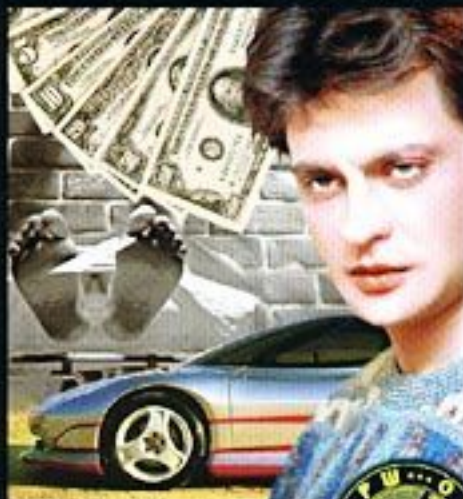

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Криминальные
прогулки*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Криминальные прогулки

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Криминальные прогулки / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

В Москве и области стали пропадать владельцы дорогих иномарок. Все они публиковали в газетах объявления о продаже своих автомобилей, и всем им назначал встречу некто неизвестный. Ни один из хозяев машин с этой встречи не вернулся. Когда при подобных обстоятельствах исчезла дочь крупного государственного чиновника, терпение властей лопнуло и дело было поручено «важняку» Генпрокуратуры Турецкому.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	18
3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фридрих Незнанский

Криминальные прогулки

1

Когда часы пробили полдень, Инга наконец очнулась от тяжелой дремоты. Она открыла слипшиеся глаза и осторожно пошевелилась. Встать с кровати не было сил. «Буду лежать вот так и смотреть в потолок...» — решила она. Но тут же вспомнила, что и это ей не удастся. В последнее время по утрам потолок приобрел странное свойство: стоило Инге, проснувшись, взглянуть на него, как он начинал медленно опускаться, угрожая раздавить ее, и поднимался назад только тогда, когда она в ужасе сваливалась на пол и обхватывала голову руками. «Надо закрыть глаза и попытаться снова забыться...» — мелькнула единственно возможная в этой ситуации мысль. Инга опустила веки и сразу увидела перед собой лохматого и рогатого черта. Черт скалился кривым ртом и тянул к ней длинные руки со скрюченными когтистыми пальцами. «Просто беда какая-то...» — вздохнула девушка и снова открыла глаза.

Потолок тут же пополз вниз.

— А-а! — вскрикнула Инга и рухнула с кровати на ковер.

Пролежав так несколько минут, она почувствовала, что ей смертельно хочется пить. Приподнявшись на локтях, девушка бросила полный надежды взгляд в сторону журнального столика, где обычно стоял графин с минеральной водой, и тут только обнаружила, что в комнате царит полный разгром. Перевернутый столик задрал вверх коротенькие кривые ножки, как упавший на спину жук, пустой графин валялся рядом в пропитавшей ковер лужице, повсюду были разбросаны книги из сваленного на пол шкафа, а сверху все это дело накрывала сорванная с окна занавеска.

— Нормально... — пробурчала Инга.

Она сглотнула пересохшим горлом и медленно поднялась на ноги. Стоять было трудно. Инга шагнула к стене и, опираясь на нее, дошла до винтовой лестницы, ведущей на первый этаж. Держась за перила, спустилась в кухню и бухнулась на стоящий у обеденного стола стул. Взяла открытый пакет яблочного сока и выпила все, что было внутри. Потом поставила пакет обратно, вытерла обветренные губы и икнула.

Муж, не оборачиваясь, мыл посуду. Инга посмотрела на него, собралась было что-то сказать, но передумала и мрачно уставилась в окно. Двор их коттеджа был сплошь усажен розами, гвоздиками и жасмином, сейчас они распустились пышным июльским цветом, и было даже странно — как можно взирать на все это великолепие с таким тоскливым равнодушием...

— Ты помнишь, во сколько пришла вчера? — все так же не оборачиваясь, спросил муж.

Инга не ответила. Она оторвалась от окна, взяла лежащую на столе пачку «Данхилла» и вытащила сигарету.

— В четыре утра! — сказал муж.

Инга щелкнула зажигалкой и закурила.

— И сразу начала буянить! — продолжал муж. — Бить все, переворачивать...

Инга сделала глубокую затяжку и вдруг, поперхнувшись, закашлялась. Муж наконец обернулся. Его глаза были полны страданием.

— Ну зачем все это? — спросил он. — Разве тебе чего-то не хватает? Ну скажи, что тебе нужно? Ну что?

Инга резко перестала кашлять и пристально посмотрела на него:

— Доза, Игорь. Мне нужна доза. У меня начинается ломка.

Игорь снял клеенчатый фартук, повесил на крючок и очень твердо сказал:

— И думать об этом забудь!

Роман Аркадьевич встал из-за письменного стола, заложив руки за спину, прошелся по кабинету и возвратился к стоящей под настольной лампой фотографии дочери.

— Эхе-хе... — вздохнул он и поджал губы.

В последнее время он очень беспокоился за Ингу. Наркотический омут затягивал ее все глубже, и ни одна из протянутых ей с твердой почвы рук уже не дотягивалась до утопающей дочери.

— Может, снова свозить ее в Америку? — пробормотал он. — В клинику Вейцмана?

Впрочем, там она лечилась уже дважды. Но, увы, безрезультатно. Вернее, не то чтобы совсем безрезультатно — первые недели все шло нормально, но потом с неумолимой неотвратимостью Инга снова принималась за старое. С некоторых пор Роман Аркадьевич даже перестал давать ей деньги. Тем не менее она все равно где-то находила их и тратила на свой проклятый героин, которого ей с каждым разом нужно было все больше и больше...

«Это Игорь! — с ненавистью подумал Роман Аркадьевич о зяте. — Это он сделал ее такой!»

Однако данное утверждение никак нельзя было назвать справедливым. Впервые Инга попробовала наркотики в каком-то ночном клубе еще до знакомства с Игорем и продолжала употреблять их втайне от родителей года два. К моменту замужества ее болезнь вступила в такую стадию, что скрывать ее было уже невозможно, и, когда вскоре после свадьбы Игорь нашел в ванной пустой шприц, Инга просто сказала:

— Я без этого не могу.

И обреченно улыбнулась.

После этого пошли бесконечные стационарные лечения, консультации у лучших специалистов, оплаченные отцом выезды в иностранные клиники, но ничего не помогало.

— Есть некоторый процент людей, которые поддаются лечению от наркозависимости гораздо тяжелее, чем остальные. Можно сказать — почти совсем не поддаются... — сказал отцу усталый профессор Вейцман. — Ваша дочь — в их числе... Скорее всего, ей не поможет уже ничто...

Это заключение что-то сломало в Романе Аркадьевиче. Боль, поселившаяся в нем, когда он впервые узнал о пагубном пристрастии дочери, усилилась настолько, что мозг в целях защиты организма стал искать какие-то формы трансформации ее во что-то иное и нашел только одну такую форму — ненависть. Постоянную, страшную и совершенно несправедливую ненависть к мужу Инги — Игорю.

Роман Аркадьевич взял фотографию дочери, провел по ней рукой и поставил на место. Потом решительно снял трубку находящегося рядом телефона и принялся набирать номер.

— Дай мне денег! — закричала Инга. — Дай мне денег!

Игорь умоляюще дернулся к ней:

— Тебе надо лечиться! Прошу тебя, согласишься пройти еще один курс!

Жена словно не слышала его:

— Если ты не дашь мне двести долларов, я продам драгоценности!

Это была пустая угроза. Все свои драгоценности Инга уже продала. Как продала несколько картин, старинное столовое серебро и набор коллекционного фарфора.

— Инга, ну я прошу тебя... — Игорь схватил табуретку и уселся рядом с женой. Он взял ее ладонь в свои руки и стал гладить, как бы успокаивая, хотя на самом деле его вкрадчивые движения раздражали ее еще больше.

— Нет! — взвизгнула она и выдернула руку. — Нет!

Она попыталась встать, но Игорь перехватил ее за локоть и удержал на стуле.

— Отпусти! — стала вырываться Инга.

— Ну успокойся... ну пожалуйста...

В этот момент висящий на стене телефон затрещал музыкальным звонком. Мелодия его была довольно веселой, даже легкомысленной, что совершенно не соответствовало ситуации.

Игорь протянул руку и снял трубку:

— Алло!

Воспользовавшись моментом, Инга сделала резкое движение и освободилась от удерживавшей ее локоть руки мужа. Затем она встала и, отшвырнув стул в сторону, направилась к выходу из кухни. Однако далеко она не ушла.

— Это тебя... — окликнул Игорь. И как-то тускло добавил: — Роман Аркадьевич...

Инга остановилась, как бы раздумывая, подходить или нет. С недавних пор Игорь стал отмечать в ее поведении одну особенность. Когда отношения в их семье налаживались, она старалась поменьше контактировать со своим отцом, словно опасаясь, что тот может разрушить установившийся между ней и Игорем мир. Инга переставала ездить к отцу, не звонила ему, а на его звонки отвечала либо односложно — быстро, либо вообще не подходила к телефону, заставляя Игоря врать, что она, например, в ванной. Отец был человек занятой, часто звонить не мог, и таким образом можно было протянуть недели две. До новой крупной ссоры.

— Так что? — спросил Игорь. — Подойдешь? Или... — Тут в его взгляде мелькнула надежда. — Или сказать, что ты еще спишь?

Инга подумала еще секунду, а потом как-то зло усмехнулась и молча направилась к телефону.

— Да, папа... — сказала она, почти вырвав у Игоря трубку.

— Как ты себя чувствуешь? — не поздоровавшись, спросил Роман Аркадьевич.

— Нормально, — солгала Инга. Хотя, с другой стороны, услышав сейчас голос отца, она как будто бы действительно стала чувствовать себя лучше. Появившаяся возможность пообщаться с близким человеком не только обещала некоторое облегчение, но даже сама по себе была облегчением.

Однако отец не дал ей выговориться. Он взял просто-таки с места в карьер:

— Уходи от своего мужа!

— Что? — не поняла Инга и рассеянно опустила на стул.

— Я говорю: уходи от своего мужа и приезжай ко мне.

Инга опешила. Отец всегда был настроен против Игоря, но чтобы так... Она посмотрела на мужа. Тот сидел боком к ней, наклонив голову и бессильно опустив руки на колени.

— Папа, я как-то не вполне тебя... — растерялась Инга. — Прямо сейчас, что ли?

— Прямо сейчас! — Голос Романа Аркадьевича звучал властно, и любые возражения могли, казалось, только усилить эту властность, но никак не поколебать ее.

— Гм-м... — протянула Инга, не зная, что ответить.

В этот момент Игорь полуобернулся на своей табуретке и посмотрел прямо в глаза жене.

«Он что, слышал?» — обожгло ее.

— Ну так как? — нетерпеливо спросил отец.

— Я... я не знаю... — тихо проговорила Инга.

На другом конце послышалось сопение. Отец всегда сопит, когда достает из кармана свои любимые серебряные часы на цепочке. Качественный микрофон его дорогого телефона уловил и передал по проводу в не менее дорогой телефон Инги щелчок их открывшейся крышки.

— Я опаздываю на совещание... — сказал отец. — Буду поздно. Но ты все равно приезжай!

— Но я не...

Договорить она не успела — послышались короткие гудки. Инга еще некоторое время повертела трубку в руках и наконец повесила ее на место. Затем задумчиво потерла переносицу и покосилась на Игоря. Тот все так же, не отрываясь, смотрел на нее.

— Что?.. — Она не нашла ничего лучшего, как задать ему этот дурацкий вопрос.

Игорь опустил глаза:

— Ничего...

«Он что, и правда все слышал?» — снова подумала Инга. Впрочем, теперь уже не с волнением, а с каким-то безразличием. Подступающая ломка опять дала о себе знать, но на этот раз не жадой, а легким покалыванием в позвоночнике, и Инга непроизвольно выпрямила спину. Игорь, наоборот, согнулся еще больше, прямо навис сутулой спиной над своими коленями, и все его тело теперь представляло собой большой вопросительный знак — «так что ты решишь?».

Они просидели так несколько минут, не обмолвившись ни словом. Между тем их мыслительные процессы шли с убыстренной силой, и, когда результаты этих процессов были сформированы, они оба почти одновременно заговорили. Правда, оказалось, что ничего нового никто из них так и не придумал.

— Прошу тебя, согласишься на лечение еще раз! — сказал Игорь.

— Дай двести долларов! — сказала Инга.

Каждому стало ясно, что дело зашло в тупик.

— Давай так, — попробовал было исправить положение Игорь. — Мы вызовем на дом специалиста из клиники...

— Отстань! — перебила Инга.

Игорь снова коснулся ее руки и очень нежно произнес:

— Нет. Я же твой муж. Я должен спасти тебя от наркотиков...

Он опять погладил ее ладонь, и в сочетании со сказанной им фразой это опять страшно ее разозлило:

— А меня не надо от них спасать! Не надо! Они мне нужны! — Инга моментально вскипела, вырвала ладонь и шлепнула ею по столу. — Ты не представляешь, как они мне нужны! Они нужны мне больше, чем... чем... — Она очень разозлилась, и следующие ее слова прозвучали так страшно, что Игорь отдал бы все на свете за одну только уверенность, что сказаны они в запале и на самом деле являются пустым сотрясением воздуха, не имеющим за собой ничего серьезного. — Они нужны мне больше, чем ты! — вот какие это были слова.

Игорь выдержал некоторую паузу и осторожно спросил ее, заглядывая в глаза и даже наклоняя голову, чтобы взглянуть в самую их глубину, дабы уж наверняка знать, правду она говорит или нет:

— Это ведь не так, да?

Она отвела взгляд и промолчала.

Странно, но он вздохнул с облегчением.

Оказалось, рано.

— Я уезжаю! — решительно сказала Инга и встала из-за стола.

— Куда? — встрепенулся Игорь.

— К отцу!

Игорь закусил губу, а потом медленно произнес:

— В гости?

Инга посмотрела на него сверху вниз и так же медленно (ему даже показалось — с некоторым сладострастием) сказала:

— Нет. Совсем. Я ухожу от тебя!

— А? — Щека Игоря как-то странно дернулась, потом еще и еще, и он даже прикоснулся к ней пальцами, словно пытаясь усмирить.

— Бэ! — совершенно уже по-дурацки огрызнулась Инга и пошла прочь из кухни.

Игорь чувствовал, что рано или поздно это произойдет. Но все равно оказался не готов к подобному повороту. Он растерянно смотрел вслед жене, не зная, как быть, потом вдруг спохватился и протянул в сторону Инги руку, словно вспомнив, что нужно сказать, но тут же у него снова пробился тик и он возвратил руку обратно, чтобы прижать ею непокорную щеку.

Инга тоже остановилась, как будто опомнилась. У Игоря появилась надежда.

— Инга... — начал он.

Но тут она вдруг резко выгнула спину и каким-то отчаянным движением закрыла ладонями уши:

— Не надо! Не говори ничего! Не надо!

Игорь осекся.

— И вообще, уйди куда-нибудь! Уйди! — сорвалась она на крик.

Инга стояла в смежной с кухней комнате, где в шкафу находились ее вещи. Ей нужно было переодеться, а Игорь мешал — своим умоляющим взглядом и дергающейся щекой.

Он вздохнул, потом молча встал и тихо вышел на крыльцо кухни. Закрыл за собой дверь и сел на верхнюю ступеньку.

И вот в этот-то момент в кухне снова раздалась глупая трель телефона. Игорь вздрогнул, но подниматься не стал. «Наверное, опять отец...» — подумал он.

И ошибся.

— Мне Ингу... — донесся до снявшей трубку жены хрипловатый мужской голос.

— Это я.

— Я по объявлению...

Инга не сразу сообразила, в чем дело, но потом вдруг что-то вспомнила и быстро сказала:

— Ага, ага, слушаю! — С минуту она непонятно общалась с невидимым собеседником: — Да... синий... да... кожа... нет... родные... — При этом она старалась говорить тихо, и по ее позе, устремленной в сторону от двери, куда только что вышел Игорь, можно было догадаться, что она боится, как бы он ее не услышал.

Впрочем, это было излишней предосторожностью. Погруженный в свои мысли, Игорь не прислушивался к доносившемуся из кухни голосу жены. Зачем? И так все ясно... После этой тяжелой сцены, после «они нужны мне больше, чем ты!», после идиотского «бэ»...

— Бэ... — растерянно повторил он. — Всего одна буква, а все сразу понятно...

Через несколько минут Инга вышла во двор и быстро направилась к гаражу. Она набрала на кодовом замке нужную комбинацию цифр, и автоматические ворота бесшумно поднялись, явив на свет стоящий внутри красавец джип «гранд-чероки».

— Ты что, собираешься садиться за руль? — подал наконец голос вышедший за ней Игорь.

— Нет, толкать буду... — огрызнулась она.

Игорь чуть помедлил и предложил:

— Давай я сам тебя отвезу, что ли...

И тут же поразился, насколько странно прозвучали его слова. Он — муж! — собирается увезти жену — любимую жену! — из дома, потакая ей в ее решении бросить его!

Инга тоже почувствовала всю нелепость ситуации и криво усмехнулась:

— А ты сможешь?

— А ты сможешь? — Игорь вложил в те же слова другое значение. — После вчерашнего? После наркотиков?

Услышав про наркотики, Инга мгновенно нахмурилась и в очередной раз выпрямила спину.

— Смогу... — буркнула она.

И в ее глазах мелькнула какая-то особая уверенность, что она действительно сможет довести машину безо всяких эксцессов. Причем почему-то именно эту машину и именно сейчас.

— Смогу! — повторила Инга, после чего влезла в джип, завела его и уехала.

Корнев пристегнул мобильник к ремню своих шорт и сел на корточки, выплюнув дотлевший до фильтра окурок в пыльную траву обочины. Он договорился встретиться с Ингой здесь — на двадцать пятом километре Симферопольского шоссе у придорожной кафешки.

Рядом тут же тормознул старенький «жигуленок».

— Слышь, парень! — высунулся из него морщинистый дедок. — До деревни Кусковки правильно еду?

Корнев сонно глянул на вопрошающего и очень внятно проскрипел своим хриловатым голосом:

— Исчезни, гнида!

Дедок ошеломленно заморгал, но предпочел не ввязываться в ссору и действительно исчез вместе со своим «жигуленком», так, впрочем, и не выяснив, в правильном направлении едет или нет.

— Козел... — проводил его взглядом Корнев. Ему не нравилось, когда его отвлекали.

«Соглашусь на любую ее цену... — возвратился он к своим размышлениям. — Клонет, никуда не денется...»

Сегодня утром Корнев прочел в рекламной газете объявление о том, что «продается джип «гранд-чероки», синий, почти новый, коробка автоматическая, салон кожаный, все электрическое, центральный замок, магнитола «Альпина». Далее следовал номер телефона и категоричная приписка: «Обращаться только к Инге».

Корнев так и сделал и теперь вот ждал встречи с обладательницей того осторожного голоса, который недавно слышал в своем мобильнике.

Объявление о продаже машины Инга подала в газету недели две назад, но напечатали его только сегодня. За это время она уже успела подзабыть о том своем поступке, на который ее толкнуло конечно же желание раздобыть денег на героин. При приеме объявления ее сразу предупредили, что у них очередь и публикацию придется ждать, но Инга все равно оставила заполненный бланк, потому что другого выхода не было. В тот раз она, правда, выкрутилась — загнала малознакомому коллекционеру снятый со стены спальни пейзажик, страшно, впрочем, продешевив, ибо, как потом уже выяснилось, это оказался Зверев и стоил он раз в двадцать дороже полученной Ингой суммы. Но тех денег ей все равно хватило на две недели, и лишь сегодня Инге снова пришлось задуматься, на что покупать очередную дозу. Так что объявление подоспело как раз вовремя.

Инга остановилась на светофоре и вдруг поняла, что совершенно не думает об Игоре, о том, что бросила его, о том, что теперь будет жить у отца, а в смысле безденежья это еще хлеще, потому что у него из дома ничего не вынесешь и не продашь — за всем есть догляд.

«Но ведь теперь у меня будут деньги! — тут же возразила она себе. — Дешево я мою ласточку не отдам...»

Инга старалась не думать, что и вырученные за машину грошики тоже со временем кончатся: героин требовал многого... Она просто решила, что потом придумает еще что-нибудь...

Зажегся зеленый, она нажала на газ и устремила к неведомому покупателю, назвавшемуся Витей и обрисовавшему себя так: «Высокий, худощавый, красная рубашка, черные шорты».

«Лох! — решила Инга. — Кто же еще может так одеваться! Только лохи!»

Это заключение ее очень обнадежило. С лоха ведь и страсти можно побольше! Ей вдруг стало весело и легко на душе. И, включив магнитола, веселая и беззаботная наркоманка, только что бросившая мужа, принялась подпевать в такт знакомой мелодии:

— А-а нам все равно, а-а нам все равно...

Корнев попытался представить себе женщину, которая ехала сейчас к нему в своем джипе. «Блондинка или брюнетка?» — гадал он. В конце концов Корнев решил, что Инга непременно должна оказаться склонной к полноте блондинкой — именно такой тип женщин привлекал его больше всего. Именно таких он высматривал в толпе, именно такие составляли предмет его холостяцких грез. Впрочем, грезы его сильно отличались от обычных любовных...

И еще Корнева очень интересовало, одна приедет Инга или нет. И любопытство его было далеко не праздным. От количества прибывших зависело, сколько человек ему придется сегодня убить — только лишь хозяйку машины или еще кого-то.

Через несколько минут после того, как Инга уехала, Игорь наконец опомнился.

— Что же я наделал... — простонал он. — Как же я мог ее отпустить?!

Он вскочил со ступеньки и выбежал за ворота дома. Джипа, конечно, уже и след простыл, но их элитный поселок соединен с Москвой единственной дорогой — Симферопольским шоссе, и ехать по нему до кольцевой минут двадцать — так что не все потеряно...

«Я ее догоню! — решил Игорь и бросился к гаражу, где стоял еще один автомобиль — породистый трехсотый «мерседес». — Догоню и уговорю вернуться! У меня получится! Получится!»

Очень скоро «мерин» взревел мощным нутром, как будто заржал, потом чуть не встал на дыбы и вылетел за ворота, словно дикий. Создавалось впечатление, что Игорь еле сдерживает его, хотя на самом деле он и спровоцировал буйное поведение машины, потому что нажал на педаль газа с такой силой, что, если бы не надежный немецкий кузов, она продавила бы пол и вошла еще на полноги в асфальт.

...Инга заметила погоню сразу. Да ее и невозможно было не заметить — черная машина Игоря и в самом деле неслась по дороге, как необузданный жеребец, обгоняя всех подряд, а сам наездник сидел вытаращив глаза и бил рукой по пластиковой гашетке клаксона:

— Дорогу! Дорогу!

«Мерседес» страшно гудел и вызывал в адрес хозяина шквальный огонь критики со стороны владельцев шарахавшихся вправо-влево попутных транспортных средств:

— Совсем сдурил, что ли? Идиот!

Но Игорь не обращал на это никакого внимания. Он впился глазами в маячащий далеко впереди «гранд-чероки» Инги и всеми силами стремился сократить разделявшее их расстояние.

Инга же хотела обратного — увеличить его. Перспектива беседы с Игорем совершенно ее не радовала. Она, конечно, поняла, что он спохватился и попытается теперь уговорить ее остаться, и снова будет тяжелая сцена, и снова будет скандал... Инга всего этого не хотела. Тем более сейчас, когда у нее назначена встреча с покупателем!

«Фиг ты меня догонишь!» — зло шептала она и увеличивала скорость. За это ей тоже доставалось по полной программе.

— Проститутка! — кричал ей вслед толстый дядька на «Волге». — Ездить научись!

— Вот овца! — брызгал слюной из окна «Москвича» парень-таксист. — Купила права, села в иномарку — и думает, что все можно! — И, подумав, присоединился к мнению дядьки на «Волге»: — Проститутка!

За Ингу тут же мстил Игорь, от которого всем приходилось уворачиваться еще резче. В него летела очередная порция ругательств, хотя Ингу все равно поносили больше — за то, что баба.

Так они и ехали, пока впереди не показался пост ГИБДД. Удивительно, но Ингу краснотлицый дежурный инспектор прошляпил, — дожевывая бутерброд, наклонился к стоящему на полу термосу, в котором булькал налитый заботливой женой кисель. А когда снова поднял голову, то тут же и увидел, что на такого удачливого ловца, как он, бежит неумный зверь.

Из свистка инспектора раздалась трель, когда, подтягивая на ходу ослабленную портупею, он выбежал из своей будки.

— Стоять! — И его рука с зажатым в ней полосатым жезлом вытянулась в сторону «мерседеса».

— Вот черт... — буркнул Игорь и остановил машину.

Николай Степанович Кудряшов безуспешно пытался разыскать деревню Кусковку, где, по имеющейся у него информации, можно было купить отменное козье молоко. Дело в том, что Николай Степанович был легочником и козье молоко требовалось ему для лечения.

Но решительно никто не мог помочь ему в его поисках.

— А хрен его знает, где эта Кусковка! — отвечали люди на расспросы Кудряшова.

А один гусь так и вообще гнидой обозвал.

И мотался Николай Степанович на своем «жигуленке» по окрестностям Симферопольского шоссе взад-вперед и все никак не мог разыскать нужную ему деревеньку.

— Да где ж она?.. — бормотал он, в который уж раз проезжая по одним и тем же местам. — Ни тебе указателей... ни схем...

Наконец он совсем отчаялся и решил повернуть домой, в Москву. Проезжая мимо притулившейся на противоположной стороне придорожной кафешки «Двадцать пятый километр», Николай Степанович снова увидел возле нее того самого красно-черного парня, который некоторое время назад так грубо повел себя с ним.

«Даже смотреть в его сторону не хочется...» — подумал Кудряшов. Он прибавил газку, чтобы поскорей миновать неприятное для себя место, и вдруг двигатель его выдавшего виды автомобильчика не выдержал этой последней перегрузки и заглох.

— Ну что ты будешь делать! — расстроился Николай Степанович и вырулил «жигуль» к обочине.

Инспектор покрутил права Игоря и просто сказал:

— Пятьдесят.

В другое время Игорь бы притворился, что не понял, переспросил бы: «Что — пятьдесят?» — или просто возмутился бы, сказал: «Вы чего, вообще уже обнаглели?» — но сейчас он просто достал бумажник, вытащил банкноту и протянул ее гибэдэдэшнику:

— Возьмите!

— Это что? — Тот сделал круглые глаза.

— Пятьдесят долларов, естественно! — раздраженно сказал Игорь. — Не видите, что ли?

— Да вот именно, что вижу! — нахмурился милиционер. — Зачем вы мне их суете?

Игорь окончательно разозлился. Он все еще надеялся на то, что сумеет догнать Ингу, а этот баклан начинает тут дурака валять и из-за него приходится терять драгоценные минуты.

— Вы же сами сказали! — почти выкрикнул Игорь.

— Я? — совершенно искренне удивился гибэдэдэшник.

«Может, он пьяный?» — мелькнуло у Игоря.

И вдруг до милиционера доперло.

— Ах вот вы о чем! — воскликнул он и расхохотался. — Так я ж не про то! Когда я сказал «пятьдесят», то имел в виду, что у вас превышение скорости на пятьдесят километров! Там же ограничительный знак! — И он махнул рукой в сторону, откуда приехал «мерседес».

Игорь даже не обернулся.

— Так что теперь? — нетерпеливо спросил он.

Милиционер посерьезнел:

— Сейчас составим протокол...

— А может, так договоримся? — перебил его Игорь. — Возьмите эти пятьдесят долларов, и я поеду. А? Согласны?

— Я человек честный! — оскорбился инспектор. — Взятки не беру! Так что пройдемте в дежурку, где я и оформлю все как полагается! — Он развернулся и, помахивая правами Игоря, зашагал в свою будку.

Игорь с тоской посмотрел в сторону, куда скрылась Инга, вздохнул и поплелся за ним.

Николай Степанович открыл капот и склонился над двигателем. Потом неопределенно хмыкнул, поковырялся отверткой в каких-то узлах, что-то отвинтил, что-то привинтил, снова сел за баранку и повернул ключ.

Никакого эффекта.

Он опять вышел, почесал бороду, дернулся было со своей отверткой к карбюратору, потом передумал и занялся бензонасосом. Пропыхтел над ним какое-то время, возвратился в салон и еще раз попытался завести «жигуль».

Куда там! Бесполезно.

Пенсионер плюнул и вдруг, почувствовав что-то неприятное, покосился в сторону сидевшего через дорогу красно-черного. Тот смотрел на Кудряшова недобрыми глазами, и только пронесившиеся между ними машины сбивали флюиды ненависти, вылетающие из зрачков красно-черного в сторону Николая Степановича, не давая им разнести пенсионера в пух и прах.

— Станный какой-то... — буркнул Кудряшов и снова пошел ковыряться в двигателе.

...Лоха Инга увидела издалека. Он блестел своей красной рубашкой и слегка покачивался на корточках, как морской буй в спокойную погоду.

«Сейчас я его ошеломя!» — решила Инга.

Дело в том, что лох сидел на обочине противоположной стороны шоссе, и, для того чтобы подъехать к нему, нужно было развернуться на светофоре, который находился метрах в пятистах впереди. Но Инге было невтерпех. Она притормозила у двух сплошных линий, быстро поймала момент, когда встречный поток ослаб, и лихо крутанула руль влево.

«Пусть просечет, что я типа крутая!» — неожиданно для себя подумала она «новыми русскими» словами, которые часто слышала от разных наркодилеров.

Джип быстро и плавно перекатился через полосы встречного движения и встал правым боком к лоху, как будто был не тяжелой машиной, а каким-нибудь вертким офисным креслом на колесиках, привычно передвигаемым от стола к столу.

— Это вы — Витя? — крикнула из глубины автомобиля Инга.

Лох медленно поднялся с корточек и кивнул.

Игорь все еще не терял надежды догнать Ингу.

— Вы скоро? — торопил он заполнявшего за столом протокол инспектора.

Тот сурово смотрел на обнаглевшего нарушителя и наставительно поднимал палец вверх.

— Наличие дорогой машины не дает вам права на особое отношение, гражданин... — тут гибэдэдэшник быстро возвращался к началу протокола и читал указанную там фамилию, — гражданин Липатов!

Гражданин Липатов вздыхал и смирялся.

Наконец все было готово.

— Распишитесь вот тут, тут и тут! — скомандовал инспектор.

Игорь молниеносно перехватил протянутую ему ручку и так рьяно принялся ставить свои закорючки, что неосторожно смахнул бланк протокола со стола, и тот спланировал на бившей из окна в дверь струе сквозняка к ногам инспектора.

— Ох ты... — вздохнул тот и наклонился, чтобы поднять бланк.

Но Игорь и тут проявил резвость и тоже ринулся к листку. Где-то на полуметровой высоте их лбы стукнулись друг о друга с неожиданным для этой ситуации звоном. Очевидно, у обоих так сильно зазвенело внутри, что это стало слышно и снаружи.

— Вот блин! — воскликнул инспектор и топнул от злости ногой. От сотрясения пола стоящий рядом с ним открытый термос упал, и из него на бланк протокола тягучей массой полился темный сливовый кисель.

— Ай! — крикнул Игорь и быстро схватил листок, но было уже поздно. Прямо на середине его красовалось громадное неровное пятно, похожее на карту Московской области.

— Доигрались? — спросил инспектор с очевидной досадой. Двумя пальцами он поднимал почти пустой теперь термос, и было непонятно, чем в большей степени вызвано его сожаление — испорченным протоколом или загубленным обедом. — Теперь все по новой заполнять надо! — сказал наконец он, но при этом, однако, так и не оторвал глаз от термоса.

— Вот блин! — повторил его недавние слова Игорь и снова в отчаянье взглянул в сторону Москвы.

Инга вылезла наружу, подошла к Корневу и вопросительно на него посмотрела. Она никогда еще не продавала машин и не знала, что при этом следует говорить.

— Хороший джипешник! — одобрительно закивал Корнев, быстро, как будто из вынужденной вежливости, взглянув на хозяйку и тут же снова переведя взгляд на сверкающий синий красавец, интересовавший его гораздо больше, чем она.

«Хочет купить!» — обрадовалась Инга.

— Какого года? — поинтересовался Корнев.

— Девяносто девятого! — ответила Инга.

— О-о! — восхищенно протянул Корнев и прошелся вдоль автомобиля.

Инга подумала, что еще такого эффектного можно сказать, и выдала:

— Тачка — зверь!

— Да я уж вижу! Сколько хотите?

Инга набрала воздуха и, стараясь не продешевить и в то же время не отпугнуть лоха, сказала:

— Сорок... — Она зыркнула на него, стараясь уловить первую реакцию на названную цену и, не обнаружив никаких тревожных для себя признаков, добавила: — Пять! Сорок пять!

Корнев в это время деловито осматривал колеса. Цена его явно не смутила.

— Угу... — блаженно промычал он, то ли удовлетворившись состоянием резины, то ли давая понять, что сорок пять — это столько, сколько он и предполагал.

Вообще, по всему было видно, что машина красно-черному нравится и из покупателя потенциального он вполне может превратиться в реального. И он не замедлил это подтвердить:

— Ну что же, меня устраивает!

«Ура!» — в душе возликовала Инга.

— Правда, есть одно «но»... — замялся Корнев.

— Что такое? — обеспокоилась девушка.

— Надо бы осмотреть ее в техцентре... При помощи аппаратуры... Понимаете, снаружи она, конечно — ого-го, а внутри — кто ее знает... У меня ведь должна быть полная уверенность!

Такой поворот событий несколько сбил радость Инги, хотя она тем не менее понимала, что «этот лох» в общем-то прав, и больше того — он, похоже, вовсе никакой и не лох.

— Хорошо, — сказала она. — А где тут техцентр?

Корнев снова замялся и наконец сказал:

— Я бы не хотел ехать в какой попало. Деньги сдерут, а толком ничего не осматрят. Так только, для вида поковыряются... — Он лениво покрутил в воздухе ладонью, словно давая понять, как именно небрежный слесарь будет что-то там такое трогать в Ингиной машине.

— Так куда же ехать-то? — растерялась Инга.

Корнев внимательно посмотрел на нее и, стараясь придать своему голосу максимально возможную мягкость, но одновременно желая и деловитость не утерять, сказал:

— В Тулу.

— Куда?.. — вытаращила глаза Инга.

— Да это же рядом! — поспешно заверил Корнев. — Всего полтора часа езды!

Но Ингу упоминание города пряников и оружейников привело в заметно раздраженное состояние.

— Ой, нет! — сказала она. — В Тулу — нет!

— Но поймите... — ткнул себя в грудь Корнев. — У меня там свой техцентр. Личный!

— Нет! — упорствовала Инга. — Это далеко!

Человек в красной рубашке и черных штанах вдруг показался ей каким-то подозрительным.

— А где ваша машина? — спросила она.

— Меня подвезли, — ответил Корнев.

— А своей у вас нет, что ли? — Инга запоздало удивилась тому, что человек, способный заплатить сорок пять тысяч долларов, не имеет собственного транспортного средства.

— Свою я продал, — сказал Корнев. — И вот теперь хочу купить вашу. — Тут он словно бы спохватился и быстро вытащил из кармана шорт красное удостоверение. — Да вы не беспокойтесь, — раскрыл он его перед лицом девушки, — я в ГИБДД работаю.

На все предыдущие жертвы Корнева этот довод действовал безотказно.

Но сегодня был иной случай.

Чем ближе подступала ломка, тем неуправляемее становилась Инга.

— Нет! — взвизгнула она. — Нет, нет и нет!

«Ну и хрен с тобой!» — подумал Корнев. Он и сам не очень-то горел желанием связываться с этой девицей — из-за деда, который, как назло, застрял напротив на своей развалюхе и время от времени косился в их сторону. Зачем нужны эти лишние глаза... «Хрен с тобой! — еще раз подумал Корнев. — Живи...»

Склонившийся над капотом Николай Степанович никак не мог нащупать в глубине двигателя нужный ему проводок. По его убеждению, именно в обрыве последнего крылась причина внезапной остановки двигателя — искра там, что ли, какая-то теперь не шла или еще чего, этого Кудряшов и сам точно не знал, но был уверен — виноват проводок. Но как же до него добраться-то? Вдруг Николая Степановича осенило. Он залез в салон, вытащил из аптечки небольшое зеркальце и вернулся к капоту. «Огляжу движок снизу...» — подумал он, после чего дохнул на зеркальце и протер его рукавом.

Корнев уже хотел было послать Ингу куда подальше, как она вдруг резко изогнулась в пояснице и, потеряв равновесие, зашаталась. Он инстинктивно попытался подхватить ее, но Ингу внезапно бросило вперед, и с размаху она налетела виском на костяшки несущейся к ней кисти жилистой руки Корнева. Удар был сильным.

— Ох... — выдохнула она и, схваченная под мышки несостоявшимся покупателем, повисла на его руках.

— Эй, эй! — встряхнул ее Корнев. — Ты что?

Но Инга была без сознания. Висок — дело серьезное.

«Только этого мне не хватало! — лихорадочно пронеслось в голове Корнева. — Как же теперь быть-то?! Бросить ее здесь? А если она коньки откинёт? Или даже просто проваливается тут какое-то время, прежде чем очухаться? Кругом же люди! Этот дед вон на своем тарантасе! Вызовут ментуру, начнут разбираться, что да как... На хрен мне это нужно?!»

Корнев быстро посмотрел на деда, больше всего сейчас опасаясь столкнуться с ним взглядом. Но дед в это время склонился над своим движком, выпятив в сторону джипа костлявый зад с торчащей из заднего кармана брюк отверткой.

«Значит, он ничего не видел! — обрадовался Корнев. — Не видел! Так, может, я тогда...»

Решение пришло молниеносно. Он осмотрелся по сторонам и понял, что свидетелей только что случившейся между ним и Ингой сцены не было, да и не могло быть: кафешка не работала, окна ее были закрыты металлическими ставнями, а из проносящихся мимо машин вряд ли что можно было заметить. Уж, по крайней мере, его внешность и номер джипа точно бы никто не запомнил...

Корнев подхватил Ингу правой рукой, а левой открыл дверцу автомобиля. Довольно небрежно (зато быстро) положил девушку на заднее сиденье, так что она чуть не свалилась с него, и только ее безжизненно свесившаяся рука, уперевшись в пол локтем, помешала ей провалиться в щель между диванчиком, на котором она лежала, и спинками передних кресел.

— Где у тебя ключи-то?.. — бормотал Корнев, обшаривая ее карманы.

Наконец он нашел их, быстро сел за руль, завел машину и помчался в направлении Тулы.

Николай Степанович видел все. И удар виском, и вороватые оглядывания красно-черного мужика, и то, как он поспешно бросил девушку в машину, и то, как рыскал по ее карманам. Склонившись над капотом, Кудряшов наблюдал все это в зеркальце.

— Ишь ты... — проговорил он, отложив его, и незаметно, из-под руки, проводил взглядом уезжающий «гранд-чироки». — Только бы номер не забыть...

Чувство гражданского долга вмиг переполнило дисциплинированного пенсионера, и, ни секунды не мешкая, он решил заявить о случившемся в милицию. Подстегиваемый этой необходимостью, Николай Степанович как-то неожиданно быстро и даже без зеркальца напал на нужный проводок, куда-то там на ощупь воткнул его и быстро сел за руль.

— А ну... — повернул он ключ. И этим «а ну» не то спросил у машины: заведешься, мол, а? — не то приказал ей: а ну, мол, заводись!

«Жигуль» завелся.

— Вот так-то! — победно воскликнул Кудряшов. — Вот сейчас я крутанусь!

Он имел в виду, что доедет до светофора, развернется там и рванет в обратную сторону на ближайший пост, где и расскажет милиционерам о том, что видел.

«И еще скажу, что он меня гнидой обозвал!» — подумал было пенсионер, но тут же решил, что это лишнее. Он выжал сцепление, переключил скорость и... и двигатель снова заглох.

— Ну что ты будешь делать! — расстроился Николай Степанович, вылез наружу и снова открыл капот.

А на том самом посту, куда собирался подъехать пенсионер, Игорь подписывал протокол.

— Осторожнее! — сказал на всякий случай инспектор, когда «гражданин Липатов» склонился над листком.

Впрочем, на этот раз все прошло удачно. Игорь отдал полагающийся за превышение скорости штраф, получил квитанцию и быстро выбежал из будки.

«Хотя куда торопиться? — подумал он. — Все равно Ингу уже не догнать...»

Он дошел до своего «мерседеса», пискнул центральным замком, открыл дверцу, чуть пригнулся, чтобы сесть, да в таком неудобном положении и замер.

По встречной полосе ехала машина Инги.

«Передумала! — перехватило у Игоря дыхание. — Возвращается!»

И он взгляделся в чуть зеленоватое лобовое стекло приближающегося «гранд-чероки».

— Ой... — Лицо Игоря вытянулось.

За рулем сидел мужчина в красной рубашке.

Странно. Игорь мог бы поклясться, что это автомобиль Инги. Для этого ему даже не нужно было смотреть на номер. Он слишком хорошо знал ее внедорожник, не раз сам ездил на нем, и ему всегда страшно мешала вон та большущая мягкая игрушка под зеркалом заднего вида...

«Неужели просто похожа?» — подумал Игорь и, спохватившись, глянул вслед удаляющемуся уже джипу, стараясь все-таки разглядеть его номер. Но тут откуда ни возьмись вылез длиннющий рефрижератор с оранжевой, бьющей в глаза надписью по борту: «Скажи сосискам — да! Это лучшая еда!» — и закрыл Игорю обзор. Когда «лучшая еда» скрылась, джипа уже совсем не было видно.

«Бывают же такие совпадения...» — пожал плечами Игорь, после чего сел в машину и поехал домой.

Николай Степанович промучился со своим «жигуленком» часа полтора. По прошествии этого времени он все-таки приехал на пост и рассказал о том, что видел у придорожной кафешки. Инспектор, вытряхивающий из термоса в стакан последние капли киселя, попросил пенсионера написать заявление, а сам передал информацию о синем джипе «гранд-чероки» с номерным знаком «А 123 ОС 77» на все посты, расположенные по трассе. Но, увы, задержать машину не удалось. Было уже слишком поздно...

2

— Саша, но это же просто смешно! — сказал Меркулов, но смеяться и не подумал.

— Смешно... — вздохнул Турецкий.

А дело было вот в чем. Старший следователь Управления по раскрытию особо важных дел Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции третьего класса Александр Борисович Турецкий опоздал с утра на важное совещание. То есть смешно было, конечно, не это. А то, какую причину указал Александр Борисович в качестве оправдания. Причина эта, прямо скажем, была недостойна даже ограниченной фантазии какого-нибудь двоечника-прогульщика, вызванного в учительскую после очередного пропуска контрольной.

— Я бабушку через дорогу переводил! — вот что сказал Турецкий своему непосредственному начальнику и старинному другу, после того как зашел в его кабинет и закрыл за собой дверь с позолоченной табличкой, отбросившей солнечный лучик на сидящую в приемной секретаршу. На табличке значилось: «Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации по следствию Меркулов К. Д.». — Но это же правда... — развел руками Турецкий и сел в кресло напротив Константина Дмитриевича.

— Да знаю...

Широта души и отзывчивость натуры друга были хорошо известны Меркулову, поэтому он не стал устраивать разносов, а только махнул рукой:

— Ладно...

— А почему так быстро закончилось-то? — позволил себе удивиться Турецкий. — Я думал, успею...

Меркулов поднялся из-за своего рабочего стола, потянулся, посмотрел в окно и сказал:

— Да всего один вопрос и обсуждался...

«Наверное, что-то очень важное...» — предположил Александр. Он знал привычку генерального устраивать многочасовые заседания из-за всякой ерунды, а в случаях действительно серьезных поднимать всех на уши одной-единственной фразой: «Раскрытие данного преступления — дело нашей чести! Учтите, я строго спрошу с каждого! А теперь вперед — работать, работать и работать!»

— А что за вопрос-то? — Турецкий приготовился услышать что-то о террористах, готовящих взрывы жилых домов, или о торговцах человеческими органами, или о чем-нибудь другом, не менее жутком.

— У вице-премьера Дроздова дочка пропала... — сказал Меркулов.

— И все? — Александр сделал круглые глаза.

— Угу.

Несколько секунд в кабинете висела тишина. Меркулов все смотрел в окно, как будто гадал, где это там Турецкий переводил через дорогу бабушку, а сам Александр недоуменно переваривал услышанное.

— И только поэтому генеральный совещание собирал? — спросил он наконец.

— Да какое совещание! — усмехнулся Меркулов. — Он присутствовал да я. Да ты вот еще должен был подойти...

Турецкий хотел что-то спросить, но Константин Дмитриевич широким жестом остановил его и сел за стол.

— Сейчас все расскажу, — сказал он.

Случилось следующее. В течение нескольких дней после того, как Инга уехала, Игорь вынужден был отвечать на звонки каких-то людей, просивших позвать ее к телефону и вешав-

ших трубку, как только Игорь начинал выяснять, зачем, собственно, она им потребовалась. Телефон особняка тестя, где, по его мнению, должна была находиться Инга, он никому не давал, так как считал, что досаждают ему какие-нибудь наркоторговцы или кто-то вроде них. Это продолжалось до тех пор, пока один из звонивших не проговорился, что интересуется синим «гранд-чероки» с кожаным салоном и автоматической коробкой. В объявлении было сказано, что обращаться следует строго к Инге, но у него совсем нет времени, он куда-то там улетает, поэтому не может ли молодой человек, если он в курсе и если ему не трудно, показать машину в любом удобном для него месте, но лучше утром, потому что самолет... и т. д. Тут только Игорь насторожился. Он вытянул из звонившего информацию относительно того, в какой газете и когда именно было напечатано такое объявление, потом сгонял в ларек, купил эту газету, торопясь и путая страницы, развернул ее, порыскал взглядом по колонкам, чертыхнулся, быстро и криво надел очки, снова уткнулся в газету и, наконец, увидел: вот оно, в левом углу. Все верно: и джип и телефон — их.

Елки-палки!

А тут как раз позвонил тесть.

— Ингу позови! — не поздоровавшись, сказал он Игорю.

— Так она же у вас... — растерянно ответил тот, уже начиная соображать, что к чему.

— Как это? — удивился тесть.

И Игорь рассказал ему о том, что случилось. Мол, вы же позвонили, она и уехала, в то же утро и уехала, на джипе... Он говорил, а сам уже все понимал. Понимал, но боялся озвучить страшный вывод, который напрашивался сам собой.

Его озвучил тесть:

— Выходит, она пропала...

И, пораженный этим открытием, нажал пальцем на рычажок телефона, оборвав испуганное Игореево «А что же теперь де...», после чего набрал номер не кого-нибудь, а сразу министра внутренних дел.

— Да... — послышалось в трубке.

— Леня, у меня беда! — сказал Роман Аркадьевич, все так же игнорируя «здравствуйте», но на этот раз делая это не от презрения к собеседнику, а от нахлынувшего волнения, от желания не тратить время ни на что лишнее, даже на одно слово.

— А в чем дело? — обеспокоенно спросил министр, узнав звонившего.

И Роман Аркадьевич рассказал, что пропала дочка, уехала на машине и не вернулась, а до этого давала объявление в газету, в эту, как ее, «Из рук в руки», ой, да что же это такое, она же одна у меня, кровиночка, бедная моя девочка, мать у нее давным-давно померла, я ж без нее жить не смогу, Леня, ты понимаешь, а вдруг с ней что случилось, Леня, да что же это?!

Из самоуверенного, лощеного государственного чиновника высшего ранга Роман Аркадьевич сразу же превратился в старого одинокого отца, в тысячу раз больше, чем за свое вице-премьерство, дрожащего не то что за жизнь дочери, а даже за ее, к примеру, разбитую коленку.

— Ты номер машины назови! — кое-как вклинился в его монолог министр.

Роман Аркадьевич назвал.

— Все перероем! — заверил министр.

— Уж пожалуйста, Леня, очень надеюсь... — сказал вице-премьер, после чего снова нажал на рычажок и тут же набрал генпрокурора:

— Володя, беда у меня!..

Меркулов потер подбородок:

— Генеральный хочет, чтобы ее розыском занялся ты!

Вообще-то Турецкий уже это понял.

— Но у меня ведь других дел полно... — все же попытался он возразить.

— Он сказал, чтобы ты все отложил и вплотную занялся поиском этой Инги.

— И дело о взрыве на Манежной отложить?

— Да.

— И о массовом убийстве в Печатниках?

— И его.

— А может, ты попытаешься объяснить ему, что это вещи несоизмеримые по своему...

Меркулов не дал ему договорить:

— Я уже пытался, Саша. Это бесполезно.

Ну что же... Если даже Меркулов не смог убедить главного, то, значит, это и впрямь было бесполезно.

— Хорошо, — вздохнул Александр, — займусь...

...Вечером того дня, когда ее похитили, Инга очнулась в каком-то холодном сыром подвале, тускло освещенном свисающей сверху лампочкой. Она поежилась и осмотрелась. Вокруг было пусто и мерзко. Откуда-то слышался звук капающей воды, отчетливый и громкий среди окружающей ее тишины, на серых стенах чернели разводы не то грязи, не то слизи, в общем, чего-то такого, на что не хотелось смотреть, а хотелось отвернуться.

Но отвернуться было некуда.

Она лежала в углу, застеленном рваными тряпками такого вида, что использовать их даже для мытья пола стал бы не каждый.

— Где я?.. — прошептала она и попыталась подняться, но вдруг все ее тело от макушки до пяток обожгла страшная боль, и Инга вскрикнула, враз оставив надежду встать на ноги.

Ломка вступила в свои права.

Инга не знала точно, сколько времени прошло с тех пор, как в висок ей ткнулось что-то твердое, кажется, кулак или, может, костяшки пальцев... да, точно, костяшки пальцев этого Вити... или как его... нет, Вити, Вити... после чего все погасло, а когда вспыхнуло снова, то уже гораздо менее ярко — в мощностъ этой вот лампочки на высоте примерно трех метров от нее.

Поэтому она совершенно не представляла, что происходило с ней, пока она блуждала в потемках, не представляла, как она здесь оказалась и что это вообще за помещение.

Вдруг сверху послышался какой-то скрип. Инга присмотрелась и разглядела все увеличивающуюся щелку в потолке.

«Люк...» — сообразила она.

Его поднимаемая кем-то крышка была круглой, и, когда ее открыли полностью, посреди подвала вырос уходящий в отверстие ровный столб света. Прямо по нему, как по трубе, на пол шмякнулся какой-то бумажный сверток, от удара рассыпавшийся на части. Люк закрылся, и Инга увидела, что из свертка вывалилась буханка хлеба и пластиковая бутылка с водой.

Она совершенно не хотела есть, но даже если бы и хотела, то... Что все это значит? Ей что, бросают еду, как собаке?

Додумать она не успела. Боль швырнула ее на стену, потом обратно, потом изогнула все ее тело дугой, как тетиву, и шлепнула спиной на тряпки.

Люк открылся снова.

— Что такое? — произнес хриловатый голос.

Если бы не ломка, Инга моментально бы вспомнила, что принадлежит он тому самому Вите, но сейчас в мозгу у нее помутилось, и, не помня себя, не видя вообще ничего вокруг, а видя только огромное красное пятно, расплывающееся перед ней из-за лопающихся капиллярных сосудов в глазах, она, срываясь на визг, взмолилась:

— Мне нужен героин!!!

Крышка люка захлопнулась не сразу, а после некоторой паузы, как будто открывший ее от неожиданности опешил.

...Первым делом Турецкий встретился с Игорем. Он приехал к нему на работу — в преуспевающую строительную компанию, которую, собственно, и возглавлял зять вице-премьера.

Предварительно извещенный об этом, Игорь встретил «важняка» у входа, проводил через роскошно отделанный холл к сияющим хромом дверям лифта, и вместе они поднялись на четвертый этаж, где располагался кабинет господина Липатова.

При его появлении начавшая было подкрашиваться секретарша мигом спрятала косметичку и, поменяв принимаемое ею на время отсутствия шефа беззаботное выражение лица на деловое, сообщила:

— Вы просили напомнить об американцах. Они скоро будут звонить...

— Скажешь, что меня нет! — быстро ответил Игорь.

— Но контракт... — изумившись до глубины души, позволила себе возразить секретарша.

— Я сказал — меня нет! — рывкнул на нее Игорь так, что та от неожиданности подскочила на своем стульчике и косметичка, соскользнув с ее колен, брякнулась на дубовый паркет.

Игорь потянул сверкающую золотом ручку высокой резной двери из красного дерева и пропустил Турецкого вперед:

— Прошу!

Александр зашел и осмотрелся. Кабинет сильно смахивал на пропавшую в войну Янтарную комнату. То есть Турецкий никогда не видел Янтарной комнаты, разве что на каких-то черно-белых фотографиях в газетах, но сейчас не сомневался: если ее когда-нибудь найдут, она будет выглядеть именно так.

«Ни фиги себе!» — сказал он про себя.

— Вот сюда, пожалуйста! — подоспевший Игорь указал ему на одно из кожаных кресел вокруг круглого стола для переговоров.

— Спасибо... — пробормотал «важняк» и сел.

Игорь опустился в соседнее кресло и, полуобернувшись к Турецкому, всем своим видом выразил готовность отвечать на любые вопросы.

— Скажите, вы тут по найму или... — спросил Александр, обводя взглядом обтянутые дорогим шелком стены и, гадая, подключены ли к сигнализации во-он те, явно имеющие музейную ценность картины, композиционно завершающие группу старинных китайских ваз — наверняка времен какой-нибудь династии Мин.

— Нет, это частная фирма, — ответил Игорь.

— То есть вы — владелец всего этого? — удивился «важняк».

— Да.

В голосе Игоря не было ни некой естественной в таких случаях горделивости, ни, наоборот, желания приbedниться перед представителем государственной власти (да что тут, мол, особенного, всего-то Мин какая-то, а вовсе не Цинь и не Янь). Нет. В его голосе звучала только абсолютная готовность отвечать на все вопросы и надежда, что его ответы хоть как-то помогут этому скромно одетому следователю средних лет отыскать Ингу.

— Ясно... — сказал Турецкий.

— Может, кофе? — спохватился Игорь.

Александр подумал, что в таком интерьере и кофе, должно быть, подают не абы какой, а самый что ни на есть, а так как он питал к этому напитку слабость, то, как это ни парадоксально, решил отказаться. Хороший кофе требует к себе повышенного внимания, а значит, может отвлечь от дела.

— Спасибо, не надо, — сказал он.

Игорь кивнул, как будто был того же мнения: «Правильно, лучше не прерываться».

— Значит, вы не знали о том, что ваша жена собирается продать автомобиль? — спросил Турецкий.

— Нет! — ответил Игорь. — Не знал!

Александр пристально посмотрел на него, потом снова скользнул глазами по картинам и вазам и опять перевел взгляд на Игоря:

— А с чего бы это ей вообще понадобилось его продавать? Да еще втайне ото всех?

Игорь прекрасно уловил суть вопроса.

— Вы правы... — потупился он. — Это действительно может показаться странным... Зачем дочери вице-премьера и жене хозяина всего этого... — Тут он сделал жест не только в сторону кабинетных сокровищ, но как бы и вообще в сторону далеких строительных объектов, коих у его фирмы, видимо, было великое множество. — Так вот, зачем ей продавать автомобиль? Что ей, денег, что ли, не хватало? — Здесь Игорь уставился на Турецкого с таким видом, как будто именно он должен был дать ответ на этот вопрос, но тут же опомнился и поник.

— Ну? — все так же пристально смотрел на него Турецкий.

Игорь вздохнул:

— Не хватало...

— Что так?

— Она... она... — Слова давались Игорю тяжело, больно застревали в горле, и, как будто стараясь облегчить им ход, он задрал голову, посмотрел куда-то в потолок, на лепнину, и закончил: — Она наркоманка...

— Ах вот оно что... — Александр поставил локти на стол, подпер кистями подбородок и чуть пожевал губами. — Кокаин?

— Героин...

Турецкий понимающе кивнул:

— Продавала все подряд?

— Все. Все, что плохо лежало...

«И хорошо ездило...» — подумал Александр.

В этот момент лежащий у него в кармане мобильник издал протяжный жалобный писк.

— Алло! — вытащил его Турецкий.

— У меня для тебя важные новости... — проговорил динамик голосом Меркулова.

Инга обессиленно распласталась на рваном тряпье, когда люк открылся снова.

— Это тебе! — раздался все тот же хриловатый голос.

Она покосилась на вновь возникшую посреди подвала световую трубу и увидела, как по ней опять что-то падает. Правда, на этот раз свалившийся газетный сверток не рассыпался.

— Поможет! — пообещал голос.

И, как подтверждение сказанного, среди чуть разошедшейся бумаги блеснула игла.

Шприц?!

Инга сделала невероятное усилие и повернулась со спины на бок. Потом несколько раз тяжело и со свистом вдохнула — выдохнула и перевалилась на живот.

— Вперед... — сказала она себе и поползла.

Это было трудно. Из бетонного пола торчали острые концы арматуры, которые впивались в тело, ранили его, но самым досадным для Инги было не это, а то, что из-за них она вынуждена была задерживать движение, так как постоянно приходилось останавливаться и сдерживать со ржавых прутьев то зацепившуюся футболку, то брючный ремень.

— Сейчас... Сейчас... — шептала она и ползла дальше, в очередной раз с треском рванув майку.

И тут же карман ее джинсов предательски насккивал на тот же штырь и она снова со стоном тянула к нему негнущуюся руку:

— Да что же это...

Путь в четыре метра она преодолела минут за десять. В ее нынешнем состоянии, да еще с учетом условий передвижения это можно было считать большим успехом, обусловленным небывалой целеустремленностью девушки в достижении поставленной цели.

Наконец заветный сверток оказался прямо перед ней. Она облизнула пересохшие губы, как будто внутри него находились какие-то деликатесы, и коснулась ладонью шершавой поверхности бумаги.

Сверток отскочил чуть в сторону.

Она вытянула руку дальше и попыталась схватить его, но он ловко увернулся, подпрыгнул и повис в воздухе.

Сверху послышался смех.

Инга задрала голову и увидела, что сверток покачивается на тонкой нити в световой трубе, дразня ее и провоцируя на очередной рывок.

Она мотнула головой, словно сказала себе: «Нет, не надо, надо мной же просто издеваются!» — но не выдержала искушения и совсем уж из последних сил приподнялась с пола и выбросила руку к вращающемуся газетному шарiku с торчащей из него иглой.

Она не дотянулась совсем чуть-чуть, буквально сантиметр остался до свертка, и его рваный край уже щекотал кончики ее пальцев.

— Ну пожалуйста! — простонала Инга.

Сверток поворачивался на месте вправо-влево, как будто чья-то мотающаяся из стороны в сторону голова: «Не-а!»

Выжатая до последней капли, Инга уронила руку и снова растянулась на полу.

— Не могу больше... — опустила она тяжелые веки. — Не могу...

Послышался скрип закрываемого люка.

Все...

Но нет!

В последний момент, предшествовавший защелкиванию наверху щеколды, что-то легкое ударило ее по щеке и, скатываясь, кольнуло в подбородок.

Она открыла глаза.

Прямо перед ней лежал проклятый сверток с вылезшим уже наполовину шприцем.

...Сразу после разговора с вице-премьером министр внутренних дел, как и обещал, дал подчиненным указание проверить, не зафиксированы ли за последние дни происшествия, в которых бы фигурировала гражданка Дроздова Инга Романовна, выехавшая несколько дней назад из своего дома на личном джипе «гранд-чероки» с номерным знаком «А 123 ОС 77». Как водится, после этого по системе МВД прошла лихорадочная дрожь не то чтобы страха, но некоего мандража, связанного с желанием подчиненных неукоснительно выполнить начальственное предписание и, если повезет, отчитаться, что да, мол, произошло то-то и то-то и зафиксировали это именно мы, именно наше отделение, как всегда бдящее, блюдущее и стоящее на страже. А уж как хорошо тому, кому повезет! Сам министр, можно сказать, одобрительно похлопает по щеке, в фигуральном, естественно, смысле. А соседи будут завистливо коситься и кусать губы: «Ах, ну почему не мы, ну почему не у нас, ну как же это так?..» А премия мимо них — шашь! — и прямо к тем, кто отличился: «Берите меня, ребятушки, обмывайте или женам несите, как хотите!» Красота!

На этот раз повезло четвертому посту ГИБДД, расположенному на Симферопольском шоссе. Именно там было обнаружено заявление некоего гражданина Кудряшова Н. С. о том, что он видел, как в автомобиль с таким вот номерным знаком впикивали бесчувственную гражданку, по его описанию, кстати, очень похожую на пропавшую Ингу Дроздову. Заявление еще

не успели отвезти в отдел уголовного розыска местного РОВД, что, с одной стороны, радовало гибэдэдэшников (не придется делиться славой с этими архаровцами сыскарями), а с другой — пугало возможной реакцией начальства («Ага, сукины дети, недостаточно, значит, блюдете!»).

Но все прошло хорошо. Заявление забрали приехавшие люди из руководства, а уезжая, похвалили всех, а начальнику нарисовали всякие радужные перспективы, так что ходил он теперь сияющий, а жена его даже на всякий случай шило приготовила, чтобы — чем черт не шутит! — проделать еще по одной дырке в мужниных погонах.

А еще через некоторое время заявление легло на стол к Меркулову и он тут же позвонил Турецкому.

Беседа их не заняла много времени. В конце ее Александр записал адрес гражданина Кудряшова, после чего снова сунул мобильник в карман и закончил наконец с Игорем, так, впрочем, и не выяснив у него больше ничего полезного. Ни специфических знакомых жены, ни адресов, по которым она могла бы поехать за наркотиками, Игорь не знал.

— Ну хорошо... — сказал Турецкий, поднялся, попрощался и отправился к пенсионеру Кудряшову.

Инга дрожащей рукой взяла шприц и подняла его над собой. Он был заполнен мутноватым раствором, при взгляде на который она сразу поняла, что ее не обманули.

— Так... — вытянула она левую руку, сплошь покрытую коричневыми «веснушками», оставшимися от прежних уколов. — Сейчас...

Инга несколько раз сжала и разжала кулак, чтобы спрятанная глубоко под кожей предплечья вена проявилась и можно было вогнать в нее иглу. Но ничего не вышло. Кожа так и осталась белой.

— Вот черт...

Инга сжала от досады зубы и попыталась найти вену методом тыка. Воткнув шприц в миллиметре от последней, трехдневной давности ранки, она потянула на себя поршень, надеясь, что внутрь одноразового пластикового цилиндра хлынет темная кровь, обнаруживая тем самым найденную вену.

Но нет. Кровь не пошла.

Инга ткнула иглу в другое место и снова оттянула поршень.

— Опять мимо... — прошептала она.

Так продолжалось несколько минут. Наконец, с седьмой попытки у нее получилось. Почти черная кровь впрыснулась в цилиндр и смешалась с раствором.

— Коктейль «кровавая мэри»... — улыбнулась бледными губами Инга. — Вкусно...

И она решительно вогнала содержимое шприца в вену.

Ждать пришлось недолго. Очень скоро стены подвала раздвинулись и сами собой окрасились в нежно-розовый цвет, пол оказался устелен лепестками цветов, а ее рваная майка и джинсы превратились в восхитительное подвенечное платье, в котором она выходила замуж за Игоря.

— Но где же он? — спросила сама себя Инга, оглядываясь по сторонам и не находя мужа в этом большущем зале, заполненном каким-то неземным искрящимся светом. — Он, наверное, там... — посмотрела она вверх. — Выше...

И, легко оттолкнувшись носками изящных туфельек, она взмахнула тонкими руками и взлетела сквозь растворившийся перед ней потолок ввысь, где ждал ее Игорь.

— Здравствуй! — улыбнулся он ей. — Где же ты была так долго?

— Я спала... — ответила Инга и виновато добавила: — Представляешь, мне приснилось, будто я ушла от тебя...

— Ушла? — удивился Игорь.

— Да...

И она тоже улыбнулась и покачала головой, словно поражаясь: «Нет, ну какая же глупость может присниться!»

— Прости меня... — сказала она Игорю.

Инга решила ничего не говорить ему про страшный подвал, в котором она очутилась. Этот сон уже ушел, и она надеялась, что он больше никогда не вернется...

Игорь ласково погладил ее по волосам, взял за руку, и вместе они полетели куда-то высоко-высоко, выше звезд...

А потом Инга решила показать мужу тот чудесный розовый зал, в котором она была недавно... Она, играя, вырвалась от Игоря и устремила вниз, маня его за собой:

— Спускайся ко мне! Спускайся!

Но Игорь отчего-то испугался за нее и стал кричать:

— Не надо! Остановись!

А она не слушала и смеялась:

— Ну скорей же! Скорей!

Тогда он погнался за ней и уже почти настиг, почти схватил за край платья, но она выскользнула и соскочила в зал, неожиданно больно ударившись обо что-то виском...

— Обо что это я так? — потирая ушибленное место, огляделась она вокруг и вдруг увидела, что стены зала из розовых становятся грязно-серыми, лепестки цветов под ногами превращаются в какие-то вонючие тряпки, а ее великолепное подвенечное платье приобретает вид драной майки и джинсов. Она с ужасом посмотрела вверх, и в этот момент над стенами возник потолок, отрезав от Инги вот-вот уже готового спасти ее Игоря. И в глаза ее снова ударил свет лампочки...

Турецкий подъехал на своей «семерке» к желтоватой пятиэтажке, где на первом этаже, в квартирке окнами во двор, и проживал пенсионер Кудряшов. Когда Александр, припарковавший машину у подъезда, вылезал наружу, Николай Степанович как раз пил чай на своей кухне. Находясь еще у Игоря, Турецкий по телефону предупредил Кудряшова о своем визите, и теперь тот внимательно осматривал каждого подъезжающего или подходящего к дому, игнорируя только старух, детей и курсирующих между винным магазином и дворовой беседкой пьяниц.

— Это вы из Генпрокуратуры? — высунулся он в распахнутое окно, едва Турецкий приблизился к крыльцу.

— Да, — ответил тот. — А как вы узнали?

— А у вас под лобовым стеклом талона техосмотра нет. Не удосужились вы, видать, его пройти. Простых смертных за это крепко штрафуют, только самые отчаянные нарушители рискуют так вот гонять, а вы на нарушителя не похожи, человек вроде приличный, отсюда вывод — не тварь дрожащая, а право имеете! А! Каково! Наблюдательный я, правда?

Техталон Турецкий прятал в бардачке. Чтобы его не свистнули из паркуемой на ночь у дома машины, — такое уже бывало. Ухарей-то, не прошедших осмотр, вокруг вон сколько! Умыкнул чужой талончик и ездят с ним... Но пенсионеру Александр об этом не сказал. Зачем разочаровывать человека? И правда ведь наблюдательный! Узнал-таки в нем следователя! Ошибочным путем, но узнал! Правда, несколько резануло кудряшовское «человек вы вроде приличный», но... ладно уж! Неудачно выразился... Бывает...

Когда Турецкий зашел в подъезд и поднялся по ступенькам на площадку первого этажа, пенсионер, пулей прилетевший с кухни, уже открывал ему дверь:

— Прошу!

Александр прошел в квартиру. Пенсионер незаметно покосился на его ботинки, словно прикидывая — переобувать визитера в тапки или нет, и в конце концов решил не переобу-

вать. Может, сробел, оценив значительность протянутого ему удостоверения, а может, просто ботинки у Турецкого были чистые.

— Чайку?

— Можно, — кивнул Турецкий и двинулся вслед за Николаем Степановичем на кухню.

Там, за ароматным «Липтоном» в пакетиках Кудряшов самым подробнейшим образом и рассказал «важняку» обо всем, чему был свидетелем. Турецкий слушал внимательно, в нескольких местах переспросил кое-что для уточнения, выпил две чашки чая с вишневым вареньем и на предложение: «Ну что, по третьей?» — ответил: «Не откажусь!»

По словам Николая Степановича выходило, что на встречу с красно-черным мужчиной Инга приехала сама и вначале разговаривала с ним охотно и приветливо, а потом вдруг между ними то ли ссора какая-то произошла, то ли еще что, а только трясти ее вдруг начало как от злости, и этот «гусь» стукнул ей кулаком в висок и, обмякшую, запихнул в машину.

— Я бы и раньше заявил! — сокрушался пенсионер. — Да движок у меня не фурычил. Я на электрику грешил, а дело, оказывается, в карбюраторе было!

— А внешность этого мужчины вы хорошо запомнили? — спросил Турецкий.

— Хорошо! — твердо сказал Николай Степанович. — Как живой передо мной стоит!

«Значит, фоторобот будет...» — отметил про себя Турецкий.

— Могу хоть сейчас его описать! — продолжал Кудряшов. — Лицо у него такое... такое... — Он замешкался в поисках нужного слова и вдруг несколько даже ошеломленно произнес: — Так ведь это... На гусиную морду оно и похоже! Точно! На гусиную!

— Как это?

— Ну как... Обыкновенно! Нос длинный и приплюснутый на конце, глазки мелкие и расставлены широко, лоб узкий...

«Во память!» — восхитился Турецкий.

Пенсионер погладил бороду и усмехнулся:

— То-то я его сразу «гусем» окрестил!

— Да уж! Вы и вправду человек наблюдательный! — похвалил его «важняк».

— Ну! — аж зарделся Кудряшов. — Почитай двадцать семь годков вахтером в гостинице оттрубил. Триста жильцов! И каждый день кто-то выбывал, кто-то прибывал, а я всех в лицо запоминал. И карту гостя показывать не надо! Вижу, что свой, — заходи! Столько народу мимо меня прошло — жуть! И народные артисты, и хоккеисты, и директора всякие важные, и, наоборот, экспедиторы задрипанные... Все! Могу прямо с первого взгляда на человека сказать, кто такой и чем занимается! Вот про вас же сказал!

Турецкий вспомнил про спрятанный в бардачке техталон, но снова решил не разочаровывать Николая Степановича и спросил:

— И про «гуся» можете это сказать?

Кудряшов решительно тряхнул головой:

— А что? И про «гуся» могу!

— Ну и кто он?

— Он-то? — Пенсионер, прищурившись, посмотрел куда-то в сторону, прикидывая что-то в уме, потом откинулся на табуретке и, прислонившись спиной к стоящему позади холодильнику, очень уверенно заявил: — Бандит он, вот кто!

Молчавший до этого старенький холодильник тут же одобрительно заурчал, поддерживая хозяина.

«Важняк» оперся локтями на стол:

— Почему вы так решили?

Николай Степанович подался чуть вперед и просто ответил:

— Да рожа у него бандитская, вот почему!

Прозвучало это очень убедительно. Было видно, что если бы обсуждаемый сейчас человек зашел в гостиницу в бытность Кудряшова вахтером, то Николай Степанович долго и придиричиво изучал бы его гостевую карту, надеясь найти хоть что-то, из-за чего можно было бы не пустить обладателя бандитской рожи внутрь, а не найдя ничего и пропустив-таки подозрительного гражданина, так же долго и придиричиво смотрел бы ему вслед, думая про себя: «Ну погоди у меня... Вот поведешь вечером проститутку в номер, я такой хай подниму!»

— А вы не съездите со мной на то место, где все произошло? — спросил Турецкий.

Пенсионер аж подскочил:

— Конечно!

— Ну что же... — сказал «важняк». — Тогда не будем мешкать!

Вите Корневу не везло никогда и нигде. Ни в детском саду, где он любил тайком отрывать лапки оглушенным газеткой мухам, а воспитательница постоянно ловила его за этим занятием, ни в школе, где на подложенные им на стулья буфета кнопки вместо учеников младших классов садились ученики старших классов и били после этого Витю кулаками промеж широко расставленных глаз, ни в армии, откуда он отчаянно пытался комиссоваться, закосив под чокнутого, а комиссовался, и в самом деле чокнувшись на почве этого своего желания.

— Шизофрения! — такой сделала вывод дивизионная медкомиссия, обследовав рядового Корнева, который, раздевшись догола, бегал по территории части со штык-ножом в руках и кричал:

— Я Чингачгук!

— Ты идиот! — сказал ему тогда старшина, и медкомиссия в общем-то согласилась с мнением этого не очень образованного, но зато очень проницательного солдатского наставника.

И поехал Витя домой с белым билетом.

Само собой, что на хорошую работу устроиться ему было, мягко скажем, трудновато. Начальники отдела кадров предприятий, куда он обращался, подыскивая щадящие выражения, объясняли примостившемуся на краешке кресла через стол от них Вите:

— Видите ли... Работа в нашей организации сопряжена с большими физическими и психическими нагрузками... Даже очень здоровые люди и то далеко не всегда соответствуют предъявляемым нами требованиям... А уж тем более... — Тут они как бы осекались и многозначительно смотрели на Корнева, а потом добавляли: — Поймите, мы заботимся в первую очередь о вашем здоровье...

Хозяева частных фирм церемонились меньше.

— Дураков не берем! — коротко заявляли они и делали знак охраннику вывести посетителя на улицу и больше никогда и ни под каким видом не пускать его сюда.

А Витя был не дурак. Шизофреник — это да. Но не дурак. Если б дурак, так разве он переживал бы так сильно свои неудачи? Нет, конечно. Он бы плюнул на все, устроился бы куда-нибудь дворником и довольствовался копеечной зарплатой плюс бутылкой дешевой водки в день.

Но Витя так не хотел.

— Я не дурак! — цедил он сквозь зубы, проходя по улицам родной Тулы и с ненавистью провожая взглядом сверкающие иномарки «новых русских», несущихся то ли в свои отделанные по евростандарту офисы, то ли в облепившие город трех-четырёхэтажные особняки с колоннами, галереями и прочими наворотами. — Не дурак! — кричал им вслед Витя.

«Дур-р-рак!» — урчали двигатели иномарок.

— Нет! — злился он.

«Да-а-а! Да-а-а!» — выстрелами из выхлопных труб отвечали машины.

Витя в бессильной ярости сжимал кулаки и с горечью думал: «Вот если бы хоть кто-то, хоть один человек знал, что я не дурак, то мне было бы легче...»

И этим человеком, по его мысли, должна была стать женщина. Не какая-то определенная, никакой определенной у него на примете не было, а вообще — женщина. Но обязательно не очень высокая и склонная к полноте. И блондинка. Да-да, непременно блондинка. Непременно!

Но и женщины его не любили. И не только вожаденные полноватые блондинки — о них и речи не шло. Даже и привокзальные шмары, когда он с трудом наскребал на них деньги, оказывали ему услуги безо всякой охоты и с видимым пренебрежением. Плату с него они всегда брали вперед, а потом еще некоторое время, поджав губы, рассматривали мятые купюры, как будто раздумывая, стоит ли все-таки из-за такой мелочи отдаваться этому козлу.

И это при том, что он платил им больше, чем другие клиенты!

«Неужели я такой страшный? — спрашивал Витя сам себя, когда стоял у зеркала в домике, доставшемся ему в наследство от умерших родителей-алкоголиков. И приходил к пристрастному, конечно, но все равно граничащему с объективностью выводу: — Да нет! Я, можно сказать, даже красавец!»

Так почему же тогда?!

Однажды он не выдержал и задал этот вопрос шлюхе. Это произошло сразу после того, как он отлепился от нее в одном из темных привокзальных закоулков. Шлюха натягивала штаны и мучилась с заевшей «молнией» на ширинке. Услышав это «почему?», она отвлеклась от своего занятия и ответила:

— А от тебя зло идет!

— Какое зло? — не понял он.

— Как от этого... — наморщила лоб шлюха. — Как от Фредди Крюгера, во!

Витя ожидал, что она засмеется или хотя бы усмехнется, как после удачной шутки, но шлюха только хмуро глянула на него и вернулась к непокорному замочку.

Тогда усмехнулся он. Но усмехнулся как-то странно.

— Ты что это? — насторожилась она.

А он подошел к ней и быстро впихнул в ее розовые трусы недокуренную сигарету, после чего резким движением закрыл-таки «молнию».

— Ой-ой-ой! — взвизгнула от боли шлюха, пытаясь теперь уже расстегнуть ширинку.

Но у нее ничего не получилось: замок застрял еще крепче, чем раньше. Тогда она, чтобы не терять времени, просунула руку под застегнутый уже ремень и принялась шарить там — в интимных глубинах. Ее ладонь вспучила эластичную ткань брюк и металась там, словно несчастный крот, у которого под землей непостижимым образом случился пожар. Наконец окурок был нащупан длинными пальцами, и ладонь шлюхи, оттягивая ткань штанов сантиметров на десять, дернулась наружу. Но не тут-то было. Витя вдруг схватил шлюху за локоть и с силой пихнул ее руку обратно. Потом надавил на снова оказавшуюся в интимных глубинах ладонь и удерживал ее в таком положении никак не меньше минуты.

— А-а!!! — орала, извиваясь, шлюха.

— Я Фредди Крюгер?! — страшно брызгал слюной ей в лицо Витя. — Ну что ж, пусть так! Пусть так!

Он держал ее руку до тех пор, пока явственно не почувствовал запах паленого мяса.

— Так-то! — сказал тогда Витя и отправился домой, оставив несчастную жрицу привокзального секса подпрыгивать с выпученными глазами возле грязных мусорных баков.

Таким он себе понравился.

Правда, после этого Вите пришлось иметь дело с сутенером покалеченной шлюхи.

— Ты понимаешь, что испортил ей рабочий орган? — тяжело дыша на него зубной гнилью, спросил тот.

— И что? — упер руки в бока Витя.

— Бабки плати, вот что! — взревел сутенер.

Витя расвирепел и со всей силы врезал ему носком своего тяжелого ботинка в пах. Орган, по которому попал Витя, был у сутенера не рабочий, но все-таки ценный и оберегаемый, поэтому, сложившись пополам, гнилозубый торговец чужими телами простонал:

— Ну все, все... Замяли... Только не бей больше...

Но Витя уже вошел в раж. Расцепив сложенные между ног руки сутенера, он ударил его в то же самое место еще раза три-четыре, испытывая прилив какого-то невероятного наслаждения при виде перекосившегося от жуткой боли лица предводителя вокзальных шлюх.

— И еще! — лупил он по самому больному месту, как по доске в заборе, которую ему во что бы то ни стало нужно было выбить. — И еще! И еще!

Сутенер закатил глаза и захрипел. Витя отпустил его руки и позволил ему наконец упасть на заплыванный асфальт.

— Вот так!

Он огляделся.

В стороне визжала обожженная шлюха. Рядом валялся ее шеф, потерявший сознание от нечеловеческих мучений.

Вите стало так хорошо, как будто он от души наелся любимого шоколадного мороженого.

Но кайфовал он недолго.

— Э тот? — указывая на удаляющегося Витю, спросили у шлюхи подбежавшие милиционеры.

— Угу...

Милиционеры догнали Витю, схватили его под руки и потащили к стоявшему неподалеку черному «форду», за рулем которого сидел какой-то хмурый человек в штатском.

— Что с ним делать? — спросили у него милиционеры.

Человек повернул в сторону Вити рябое лицо и равнодушно бросил странную фразу:

— Да что хотите, то и делайте...

Витя подумал, что его теперь упекут в камеру. И тут же в его голове возникла спасительная догадка.

— Вы не имеете права! — с некоторым даже пафосом заявил он. — У меня белый билет!

Отвернувшийся было человек вдруг быстро и внимательно оглядел Витю с головы до ног и с какой-то непонятной заинтересованностью, мелькнувшей в бесцветных глазах, спросил:

— Правда?

— Правда! — почти нагло ответил Витя. И тут же пожалел об этом: «Зря я так выпендриваюсь. Они ведь меня и в дурдом могут сдать!»

Но в дурдом его не сдали. Рябой человек зачем-то принялся выяснять у Вити, кто он такой и чем занимается, а потом попросил показать паспорт. Витя показал.

— Тэк-с... — Человек полистал страницы. — Так ты, значит, на самой окраине города живешь?

— Ну да... — сказал Витя.

— В частном доме?

— В частном.

— И большой участок?

— Двенадцать соток.

Человек довольно поцокал языком. Ему отчего-то очень понравилось, что Витя владел участком в двенадцать соток на окраине города.

— Вот это хорошо! — улыбнулся он. И, достав листок бумаги, переписал Витины данные.

— А это зачем? — не удержался Витя.

— Скоро поймешь! — ответил человек и махнул милиционерам: — Отпустите его!

Те подчинились.

Витя нерешительно повернулся и сначала медленно, а потом все быстрее зашагал в сторону от вокзала.

Турецкий повез Николая Степановича на место происшествия на своей красной «семерке». По пути следования пенсионер не уставал восхищаться плавностью хода и ровной работой двигателя машины «важняка»: «Не то что моя «копейка»! Трясется и чихает, как больной гриппом с похмелья!» Николай Степанович даже предположил, что автомобиль Турецкого «видать, ремонтируется в спецгараже!», а на удивленный вопрос: «В каком еще спецгараже?» — ответил: «Ну у вас там есть, я знаю... Для шишек! Бесплатный!»

После того как Турецкий месяц назад разорился на замену движка и амортизаторов в обычном придорожном сервисе, ему было обидно слышать такие слова, но он смолчал.

— А, к примеру, форсированный движок у вас там можно поставить? — не унимался пенсионер.

Турецкий вздохнул:

— Можно.

— Ух ты! — заблестели глаза Кудряшова. — А не поспособствуете, чтоб и мне тоже?

— Что? — не понял Александр.

— Ну я говорю, не поспособствуете, чтоб и мне форсированный там у вас поставили? Я же вроде как свидетель, расследованию помогаю, и, может, так сказать, в виде исключения и мне бы...

Никакого бесплатного спецгаража «для шишек» при Генпрокуратуре не было. Но начини сейчас Турецкий это объяснять, пенсионер все равно не поверил бы.

— Чуть не забыл! — хлопнул себя по лбу Александр. — Форсированные только-только закончились. Теперь другие пошли.

— Какие?

Турецкий поднял подбородок и почесал шею:

— Реактивные.

— Да ну? — изумился Кудряшов.

— Ага, — подтвердил Александр. — Их раньше только на истребители ставили, а теперь вот и нам разрешили.

У пенсионера загорелись глаза.

Турецкий понял, что перегнул.

— Но с ними просто беда... — покачал он головой.

— Что так? — беспокоился Николай Степанович.

— Машины взлетать начинают.

— Ой, мамочки... И высоко?

— Ну... Где-то на полметра...

Это не впечатлило Николая Степановича. Очевидно, его движок откалывал и не такие номера.

— Фигня! — сказал он. — Полметра — фигня. Не страшно! — И, потеряв уже всякое чувство приличия, махнул рукой: — Согласен на реактивный! Ставьте!

«Как же мне извернуться, чтобы он отвязался?» — подумал Турецкий. Но тут Николай Степанович сам подал ему идею, спросив:

— А на каком бензине он работает-то?

«Ага! — усмехнулся про себя Александр. — Ну теперь держись у меня!»

— На особом, авиационном! — со значением сказал он.

— И дорогой он? — взволновался Кудряшов.

— Ужасно дорогой! — радостно посмотрел на него Турецкий. — Ужасно!

— Да?.. — задумчиво поджал губы пенсионер. С минуту он прикидывал что-то в голове, а потом сказал с сожалением: — Тогда придется вам пока обождать. Вот поднакоплю денег, тогда уж и поставите... Идет?

— Идет! — кивнул Турецкий и вильнул рулем, сворачивая на обочину к придорожному кафе «Двадцать пятый километр».

Когда они вылезли из машины, Кудряшов тут же начал объяснять, куда именно подъехала «та девушка на джипе» и где в это время сидел на корточках красно-черный мужик.

— Вот тут? — спросил Турецкий, двигаясь в направлении вытянутой руки пенсионера.

— Ага!

Александр осмотрел место. После того случая прошло уже несколько дней, и искать улики на продуваемой всеми ветрами обочине, исполосованной следами протекторов самых разных автомобилей, было конечно же бесполезно. Как и тогда, кафе сегодня оказалось закрыто, и возле него грелись на солнышке две бродячие собаки.

— А я остановился во-он там! — Крутившийся рядом Николай Степанович указывал на противоположную сторону дороги. — Во-он под тем рекламным щитом

— Угу... угу... — кивал Александр, а сам внимательно всматривался в выцветшую траву обочины.

Ничего.

Ничего, кроме одного застрявшего между листьев подорожника сигаретного фильтра.

— Ну-ка... — проговорил Турецкий и пригнулся пониже. — Любопытно...

Фильтр был не просто примят зубами, как это часто бывает, а разжеван, причем разжеван сильно, в бесформенную бахрому, будто кто-то хотел его съесть и уже почти сделал это, но в последний момент передумал и выплюнул.

Куря, Витя Корнев всегда жевал кончики сигарет. И с фильтром и без фильтра. Причем последние нравились ему даже больше — горечь табака, для многих неприятная, Корневу доставляла удовольствие.

Наблюдающий за ним психиатр из диспансера сказал, что это, мол, ненормально и свидетельствует об ухудшении Витино состояния. Витя на словах согласился и даже сделал вид, что обеспокоился (как это, мол, ухудшение, вы уж давайте следите, чтоб все выправилось, таблетки выписывайте или еще что, а иначе зачем вы тут в диспансере сидите и меня на учете держите?). Но сам все переданные ему таблетки выбрасывал, а дома повесил на дверь комнаты нарисованный от руки портрет доктора и метал в него ножи. Попадал часто.

Именно этим он и занимался в тот день, когда с улицы раздался властный гудок автомобиля. Корнев сначала подумал, что это не ему, и, не сходя с места, снова замахнулся ножом в рожу доктора, которая и так была уже вся в дырках, но снаружи опять посигналили. Только тут Корнев сообразил, что раз его дом единственный на всем пустыре, то гудки могут быть адресованы лишь ему одному.

Он воткнул нож в стол и двинулся к выходу. Однако по пути все-таки не удержался и плюнул в доктора, пригрозив при этом:

— Вернусь — глаза выколю!

Когда он вышел на улицу, то увидел, что у его калитки стоит черный «форд», очень похожий на тот, к которому его подвели на вокзале милиционеры. Витя немного струхнул, но виду решил не показывать. Наоборот, вальяжной походкой и как бы нехотя подошел к калитке и небрежно, одним пальцем поддел держащий ее металлический крючок. Мол, ну и чего ты приехал? У меня, мол, тут перед калиткой доски настелены для чистоты, а ты их все небось передавал своим «фордом». У меня, мол, кот должен скоро прийти с гулянки, а вот увидит издали твой «форд», испугается и улепетнет. И будет шлаться по округе голодный. (Насчет кота все было неправдой. Кота Витя где-то полгода назад повесил на растущей за домом яблоне.

Повесил просто так, чтобы посмотреть, сколько тот протянет в петле. Витя думал, что минуту. На деле оказалось меньше.) Тем не менее когда Витя подходил к калитке, то вид у него был именно такой — выражающий возмущение судьбой настеленных у калитки досок и несуществующего кота.

— Ну? — спросил он, шагнув к машине.

Черное стекло водителя опустилось, и в окне показалось знакомое Вите рябое лицо.

— Ты один? — спросил мужчина.

— Ну, — ответил Витя.

— Не нукай! — Щека мужчины раздраженно дернулась, а глаза сверкнули таким особенным образом, что Витя сразу же и понял: да, на этого лучше не нукать, этот не доктор, этот, если что, может кому угодно сигарету в глотку запихнуть вместе со всей пачкой, плевать — мягкой или твердой.

— Да я просто... — пролепетал Витя, с которого сразу же слетел весь «вид». — Я в том смысле, что...

Но мужчина, кажется, не разозлился.

— В гости-то пригласишь? — неожиданно спросил он вполне дружелюбным тоном.

Такого Витя не ожидал.

Гостей у него не было никогда. Когда он был школьником, их отпугивали его родители — алкоголики (вот у них таки да — были гости, только после тех гостей в доме не оставалось даже ложек и кружек, а оставалась несусветная грязь и полный пьяный разгром). После того как родители, прожившие вместе недолгую и несчастливую жизнь, умерли в один день от отравления некачественной водкой, их знакомые еще пытались некоторое время наведываться к Вите, «помянуть стариков», как они говорили, но Витя отказывался пускать их, а одному, самому настырному, даже разбил об голову принесенную им же бутылку.

Сам же к себе он никого не приглашал. Друзей у него не было, «подруги» не желали далеко отходить от вокзала, чтобы не терять времени, которое можно было потратить на следующего клиента, а та единственная полноватая блондинка, о которой Витя так мечтал, все никак не встречалась ему на жизненном пути и он уже и не знал, встретится ли...

— Такпустишь или нет? — так и не дождавшись ответа, переспросил рябой человек.

— Да! — спохватился Витя. — Конечно!

Рябой человек вылез из машины. Роста он оказался невысокого, имел небольшое брюшко и покатые женские плечи.

— Андрей Петрович! — быстро протянул он Вите пухленькую ладонь.

Витя поспешно пожал ее:

— Очень приятно...

Затем он провел гостя в дом. Проходя от калитки до крыльца, Андрей Петрович успел очень внимательно осмотреть двор, на пару секунд задержал взгляд на стоящем в дальнем углу небольшом сарае из потемневших гниловатых досок, потом на полуразвалившейся баньке и, наконец, глянул в сторону яблони, на которой Витя, сняв кота, зачем-то оставил веревку с петлей (для следующего, что ли...).

Витя заметил движение его глаз и испуганно вжал голову в плечи, тут же придумав версию, оправдывающую наличие веревки на дереве: «Скажу, что хотел качели повесить...»

Но Андрей Петрович не задал ему никакого вопроса, только хмыкнул про себя и, как показалось Вите, понимающе усмехнулся.

Зайдя в дом, Андрей Петрович сразу же оценил убогость обстановки и, очень удовлетворенно, как будто до конца убедившись в правильности каких-то своих предположений, спросил:

— Бедствуешь, значит?

Витя молча развел руками: ну да, мол, бедствую, сами, что ли, не видите...

Гость довольно бесцеремонно толкнул дверь Витиной комнаты и шагнул внутрь. Там он увидел старый диван с вылезшими кое-где пружинами, платяной шкаф и покосившийся стол, в центр которого был воткнут здоровенный тесак.

— Из рессоры, что ли, сделал? — кивнул на него Андрей Петрович.

— Угу... — промычал семенящий за ним Витя.

В этот момент дверь комнаты заскрипела и, ведомая сквозняком, снова закрылась, явив взору Андрея Петровича прищипленный к ней кнопками портрет доктора.

Вите стало не по себе. Продырявленная во многих местах физиономия доктора удивительно напоминала изрытое оспинами лицо Андрея Петровича.

— Это... это... — Витя лихорадочно искал объяснение тому, откуда и зачем тут этот портрет, но придумать ничего не мог и только беспомощно чесал затылок. — Это... это...

Андрей Петрович нахмурился. Он моментально понял, как используется Витей этот тесак из рессоры. На мгновение он задумался о чем-то, и по лицу его пробежала тень не то сомнения, не то какой-то смутной тревоги... Однако он тут же отогнал ее и, выдернув тесак из стола, спросил:

— Все в детские игры играешь?

В его голосе прозвучала нескрываемая насмешка.

Вообще-то Витя не выносил, когда над ним смеялись. В школе он жутко злился, когда одноклассники называли его Мак Дак. (Ребята находили, что внешне он очень смахивает на этого мультипликационного утенка.)

— Мак Дак — му...к! — кричали они, тыча в Витю пальцами и норовя схватить его за длинный, приплюснутый на конце нос. Тогда Витя хватал ближний из этих пальцев и больно заламывал его в суставе.

— Отпусти! — взывал одноклассник.

А крепкий товарищ этого одноклассника тут же бил Витю кулаком в ухо. Витя отпускал палец и хотел убежать, но его удерживали силой и снова тыкали в него пальцами, и он снова хватал эти пальцы, и его снова били...

— Так, значит, все никак из детства не выйдешь? — повторил вопрос Андрей Петрович.

Витя вскипел и чуть не сказал что-то дерзкое, но гость упредил его:

— Ну-ну, не горячись. У меня к тебе дело есть.

Он сказал это так спокойно и по-деловому, что Витя закрыл уже искривившийся было для выплескивания какой-то резкой фразы рот и, моргая, уставился на Андрея Петровича.

— Садись! — по-хозяйски сказал тот и указал Вите на пробитый пружинами диван.

Витя сел и приготовился слушать.

С места происшествия Турецкий отвез Николая Степановича на Петровку, 38, в экспертно-криминалистическое управление, где со слов пенсионера был составлен фоторобот красно-черного мужика.

— Ну просто вылитый! — заявил Кудряшов, взглянув на экран компьютера, после того как на нем за считанные минуты из разрозненных фрагментов собралось лицо «гуся».

Турецкий поблагодарил пенсионера за помощь, и тот, довольный, отправился домой рассказывать соседям, какой он есть герой и как благодаря ему в скором времени всенепременно схватят опаснейшего преступника и даже, вполне возможно, и сам Николай Степанович будет участвовать в погоне за ним на машине с реактивным двигателем.

Расставшись с Кудряшовым, Александр отправился к своему старому другу — начальнику Московского уголовного розыска Вячеславу Ивановичу Грязнову.

Увидев входящего в приемную Александра, неприступная секретарша расплылась в улыбке и нажала на кнопку селектора:

— Вячеслав Иванович, к вам Турецкий!

— Я счастлив! — раздалось из динамика, к неудовольствию заполняющих помещение посетителей, иные из которых уже больше часа ожидали своей очереди на прием.

— Спасибо, Лидочка! — Турецкий приложил руку к груди и, стараясь не замечать раздраженно-завистливых взглядов присутствующих, открыл дверь кабинета.

— Здорово! — поднялся ему навстречу из-за своего широченного стола Вячеслав.

— Привет! — Турецкий сделал несколько шагов и пожал протянутую ему руку. Он хотел еще что-то сказать, но Грязнов подхватил его под локоть и, провожая к креслу, затараторил:

— Как хорошо, что ты пришел! Я, знаешь ли, сам собирался к тебе подъехать прямо сегодня. Мне Костя рассказал, какое дело ты сейчас будешь раскручивать... Вот насчет этого я и хотел с тобой поговорить.

Константин Дмитриевич Меркулов был для Грязнова, как и для Турецкого, просто Костей, потому что все трое знали друг друга уже лет двадцать и на протяжении этого времени побывали вместе в таких переделках, что ой-ой-ой.

— Садись! — Вячеслав усадил Александра в кресло, а сам по-простецки присел на краешек стоящего рядом журнального столика.

Турецкий снова хотел что-то сказать, но Грязнов опять не дал ему открыть рта:

— Ты не представляешь, сколько у нас за последнее время было дел, сходных с твоим! Не представляешь! — Грязнов развел руки в стороны, как бы показывая, сколько было дел. Судя по расстоянию между его ладонями, становилось понятно, что дел было жуть как много.

— Да? — поднял брови Турецкий.

— Да! — Грязнов вскочил и заходил туда-обратно по кабинету. — Да! Происходит одно и то же: люди дают объявление в газету о продаже автомобиля, им звонят, предлагают встретиться, они уезжают — и с концами. Ни человека, ни машины! Раз тридцать уже такое случилось!

— Ого... — поразился Турецкий. Нет, до него, конечно, доходили слухи о подобных вещах, но он и не предполагал, что дело обстоит настолько серьезно. — Неужели тридцать? — Он положил руки на колени и подался в сторону удаляющегося в очередной раз Грязнова.

— Если быть точным — тридцать два! — ответил начальник МУРа, развернулся и снова двинулся в сторону «важняка».

— И вы ничего не раскрыли?

Грязнов внезапно остановился и воздел ладони к потолку:

— Да ведь никаких зацепок не было!

Вся его поза говорила: «Ты же знаешь, Саня, если б хоть что-то, так мы бы сразу, но ведь ничего, Саня, ничего!»

Впрочем, он тут же опустил руки и посветлел:

— Но теперь кое-что есть!

— Что?

Грязнов быстро подошел к журнальному столику и снова примостился на его уголок:

— Один из впоследствии пропавших позвонил домой по мобильнику с места, где встретился с покупателем, и сказал, что они на пару зачем-то собираются стонять в Тулу. Правда, разговор быстро оборвался, как будто телефон у него выхватили...

— В Тулу? — насторожился Александр.

— Ага.

Турецкий почесал переносицу. Симферопольское шоссе, по которому, со слов Николая Степановича, умчалась машина Инги, тоже шло через Тулу...

Грязнов поерзал на неудобном краешке столика и пригладил рыжие волосы, разметавшиеся от эмоций.

— Так что, Саня, — сказал он, — теперь вся надежда на тебя...

— Хочу предложить тебе денежное дело. — Андрей Петрович стоял перед втиснувшим задницу меж диванных пружин Витей, засунув руки в карманы и слегка покачиваясь взад-вперед, с каблука на носок.

— Какое? — Витя все еще не мог понять, что нужно от него этому хорошо одетому человеку, прикатившему на дорогой машине. Даже только что услышанная Витей фраза гостя, которая, казалось бы, что-то объясняла, на самом деле только еще больше все запутывала. Денежное дело? Ему? И предложить его хочет он? Да с чего бы это? Не иначе тут какой-то подвох... Поэтому в голосе Вити звучал не интерес, а опаска. — Какое дело? — еще раз спросил он.

Андрей Петрович оперся на стоящий у окна стол и кивнул в сторону двора:

— Как ты смотришь на то, чтобы у тебя тут автосервис открылся?

— Автосервис? — обалдел Витя. Он как-то пытался устроиться на работу в один из тульских автосервисов, и именно там ему и сказали первый раз: «Дураков не берем!»

— Ну да, — как ни в чем не бывало продолжал Андрей Петрович. — Небольшой такой...

Витя сглотнул внезапно потекшую слюну. Ему вдруг отчаянно захотелось пожевать сигарету. Но курева в доме не было, и он покосился на торчащую из нагрудного кармана пиджака Андрея Петровича пачку «Парламента».

Гость моментально уловил его взгляд, достал пачку и радушно раскрыл ее:

— Бери!

Витя вытащил сигарету и прикурил от поднесенной ему зажигалки.

— Так что? — поторопил его Андрей Петрович.

— А кто открывать-то будет?

— Ну как кто? — улыбнулся гость. — Ты да я, кто же еще!

Витя ошарашенно посмотрел на него и вдруг, поперхнувшись дымом, закашлялся. Андрей Петрович принялся похлопывать его по спине, одновременно объясняя:

— Земля твоя, вложения мои. Понял?

Витя понял. Но не совсем.

— То есть вы у меня землю купить хотите? — спросил он.

— Да нет же! — воскликнул Андрей Петрович и неожиданно присел рядом с Витей на диван, не обращая внимания на то, что одна из пружин уперлась ему в ляжку и он рисковал порвать свою шелковую штанину. — Земля останется твоей!

— Моей?

— Ну да! И ты будешь директором этого сервиса! — Тут гость поднял вверх указательный палец и еще раз повторил со значением: — Директором!

Витя почувствовал, что его дурят.

— А вам-то какая с этого выгода? — спросил он, глянув прямо в глаза собеседнику.

Тот несколько делано изумился:

— Что значит — какая выгода? Я же часть дохода с этого получать намерен! Причем большую!

Продолжая пристально смотреть на Андрея Петровича, Витя машинально стряхнул пепел, как он думал, на пол, а на самом деле — на брючину гостя. Впрочем, ни гость, ни сам Витя этого не заметили, настолько они были поглощены беседой.

— А разве вы не можете построить автосервис где-нибудь не здесь и получать весь доход? — медленно и как бы с подвохом спросил Витя.

Андрей Петрович тут же ответил:

— Могу. Но у тебя тут место уж больно подходящее!

Это было полной ерундой. Дом Вити стоял на отшибе, вдалеке от дороги, окруженный пустырем с оврагами и ямами, и место это было совершенно непривлекательное для организации предприятия по ремонту автомобилей.

— Что-то я вас не понимаю... — пробормотал Витя. И, чавкая, начал жевать фильтр. Андрей Петрович непроизвольно отстранился от него, но тут же приблизился снова.

— И тем не менее я считаю это место очень удачным! — упрямо сказал он.

Как потом оказалось, Андрей Петрович был абсолютно прав. Это место и впрямь являлось очень удачным для того автосервиса, который он задумал.

— Я даже не знаю... — опустил голову Витя и тут только заметил пепел на штанине гостя. Он испуганно посмотрел на Андрея Петровича, а тот, сообразив, что произошла какая-то оказия, тоже глянул вниз.

— Я не хотел... — поспешно начал Витя.

— Ничего... — великодушно сказал гость и смахнул пепел на пол. — Ничего страшного...

Однако Витя с ужасом углядел на месте, где только что серел пепел, небольшую дырочку. До ноги огонек не достал, но брючину все-таки прожег.

Гость посмурил, но тут же заметным усилием воли снова натянул на свое рябое лицо улыбку:

— Пустяки.

«Да зачем же я ему так сильно нужен? — пронеслось в голове у Вити. — Так сильно, что он даже дырку в штанах готов простить, лишь бы меня не спугнуть?»

— Что вам от меня надо? — в лоб спросил он у Андрея Петровича.

И тот не выдержал. Вообще-то он не собирался посвящать Витю во все свои планы, но тут в нем что-то сорвалось, просто так вот сказало: «Да плевать!» — и сорвалось куда-то в непроглядную темень, и Андрей Петрович сам полетел за этим сорвавшимся в темень и заговорил быстро, сбиваясь и тут же поправляясь, а иногда и не поправляясь, потому что, несмотря на жуткий смысл его слов, они были предельно понятны.

Очень доходчиво он объяснил Вите, что собирается поставить у него на территории металлический ангар, куда будут приезжать богатые лопухи на своих дорогих и красивых машинах, после чего в этих лопухов надо будет стрелять из пистолета с глушителем.

— Вот сюда! — Тут Андрей Петрович ткнул своим твердым пальцем в затылок Вите, так что он непроизвольно подался вперед и чуть не соскочил с дивана.

Тычок был достаточно болезненный, но Витя, замороженный рассказом гостя, не возмутился, а лишь машинально потер зудящее место.

А Андрей Петрович тем временем продолжал. Убитых, говорил он, нужно будет закапывать прямо здесь, потому что вывозить их куда-то рискованно — вдруг кто заметит. Вернее, не закапывать, а... Ну об этом позже... «Ты, кстати, покойников не боишься?» — быстро осведомился Андрей Петрович у Вити. «Нет...» — ошалело мотнул тот головой. «Ну и прекрасно!» — удовлетворенно заключил гость и попер дальше. Итак. После того как труп лоха будет надежно спрятан, работы останется немного. Всего-то и делов, что перебить номер на его машине. А потом Андрей Петрович сам загонит ее найденному им же покупателю. Предварительно уплатив Вите тысячу долларов. Так что все по-честному.

— Ну что? — выдохнул Андрей Петрович и уставился на Витю.

Тот молчал, потрясенный услышанным.

У Андрея Петровича нехорошо закололо в груди. Он как будто опомнился и теперь со все нарастающим волнением ждал реакции этого странного парня. Может, не надо было ничего ему говорить? Эх, да что там — «может»! Конечно, не надо было! «Во дурак! Во дурак! — корил себя Андрей Петрович. — Как же это я сорвался? Как же не удержался? Ведь не хотел же вводить его в курс дела. Хотел только согласие на постройку ангара получить! Во дурак! Во дурак!»

Витя шевельнул губами.

— А? — нервно дернулся к нему Андрей Петрович.

Но хозяин дома продолжал молчать.

«Небось думает, каким я гадом оказался...» — предположил Андрей Петрович.

Но Витя думал совершенно о другом. Он думал о «новых русских», которые неслись мимо него в свои особняки на роскошных автомобилях, фыркающих в сторону Вити своими блестящими выхлопными трубами: «Ффф-у-у!» И огрызающихся двигателями: «Дур-р-рак!»

«Я вам покажу, какой я дурак...» — звенело в голове у Вити.

Он думал о том, как будет смотреться с пистолетом над поверженным «новым русским», распластавшимся на заляпанном машинным маслом полу в луже крови.

«Я дурак?» — спросит тогда его Витя.

Стоп. Но ведь он же не сможет ответить... Тогда не так. Тогда он спросит его об этом еще до выстрела. «Что?» — не поймет «новый русский». «Туда посмотри!» — покажет Витя пальцем в дальний угол ангара. «Новый русский» отвернется, а Витя приставит к его затылку дуло глушителя и...

Класс!

А потом Витя сам купит себе такую же шикарную машину, как у «нового русского», нет, даже еще шикарнее, да-да, еще шикарнее, чтоб и молдинги, и спойлеры, и всякие другие навороты, и поедет на этой машине к полноватой блондинке. К тому времени он уже закадрит ее, непременно закадрит, куда ей деваться от такого крутого мэна, каким станет Витя к тому времени, когда властители жизни — «новые русские» — будут валяться перед ним в луже собственной крови и бессмысленно пучить в потолок свои мертвые глаза.

— Да! — заорал Витя.

— Что? — испуганно отшатнулся от него Андрей Петрович.

— Я согласен! — радостно посмотрел на него Витя. — Согласен!

Турецкий возвращался в Генеральную прокуратуру уже к вечеру. Возвращался, чтобы возбудить уголовное дело о похищении Инги Дрозовой. Свидетель Кудряшов должен был подъехать сюда завтра, чтобы дать показания для протокола. «Обязательно буду! — пообещал Николай Степанович. — Как штык!»

Александр в этом и не сомневался.

Он уже почти подъехал к зданию, как вдруг увидел, что метрах в тридцати впереди него на краю тротуара стоит полуслепая старуха с авоськой и беспомощно тыркается на дорогу, пытаясь перейти ее, но проносящиеся мимо машины никак не дают ей этого сделать, хотя находится она в зоне действия пешеходного перехода, не регулируемого, правда, светофором.

На другой стороне дороги рвется к старухе собачонка, привязанная за поводок к ограде какого-то административного здания. И лает, и встает на задние лапки, и изо всех своих хилых сил вырывается из тугого ошейника, но не может, никак не может освободиться.

Турецкий воткнул свою машину в удачно подвернувшуюся брешь между припаркованными вдоль тротуара иномарками и вылез наружу. Подошел к бабке, спросил:

— Что, Антонина Федоровна, опять в аптеку ходили?

Старуха устремила на него взгляд прищуренных глаз и ответила дрожащим, больным голосом:

— Опять, Саша, опять.

Турецкий покачал головой:

— Я же вам говорил — не ходите. Куплю я вам корвалол! Куплю и принесу! У вас же и старый запас наверняка еще не кончился!

Где-то месяц назад Александр познакомился с этой бабушкой, которая постоянно таскалась из своей находящейся неподалеку коммуналки в ближайшую аптеку. Но для того чтобы попасть в эту ближайшую аптеку, ей нужно было перейти через дорогу, а пес Тузик, которого она постоянно водила с собой, пугался машин, и от страха вырывал из рук поводок, и начинал метаться по проезжей части, рискуя оказаться под колесами. Поэтому бабке приходилось при-

вязывать Тузика к ограде, а самой ковылять по переходу. Но это тоже было непросто. Водители машин, формально обязанные уступить дорогу человеку, находящемуся на «зебре», никогда не делали этого, поэтому, для того чтобы проскочить на другую сторону, приходилось ловить момент, а куда уж восьмидесятипятилетней бабке с ишемической болезнью и ревматизмом ловить моменты! Вот и тратила она на дорогу часа по четыре, притом что жила от аптеки метрах в ста.

Именно ее Турецкий сегодня утром и переводил в очередной раз через дорогу.

— Давайте руку, — сказал он старухе, и вместе они двинулись по переходу.

3

После того как Витя согласился на предложение Андрея Петровича, тот объяснил ему, откуда будут браться «лохи».

— Газету «Из рук в руки» знаешь? — спросил он.

— Знаю, — кивнул Витя.

— Ну вот! — сказал Андрей Петрович.

Так и было положено начало их сотрудничеству.

На следующий день к Витиному дому подъехало несколько грузовых автомобилей, из которых выскочили рабочие в комбинезонах и, достав инструменты, принялись за дело.

Уже к вечеру на участке красовался аккуратный ангар, а еще через неделю взамен снесенной Витиной халупы рядом с ангаром вырос небольшой, но симпатичный домик.

— Отработаешь! — деловым тоном сказал Вите приехавший посмотреть на всю эту прелесть Андрей Петрович.

И Витя начал отрабатывать.

Вначале он чувствовал, что за ним постоянно следят. Он не видел, кто именно следит, но просто физически ощущал на себе контролирующий взгляд. Даже ночью, когда ворочался на своем новом диване, даже в туалете, когда сидел на унитазах, а не над зловонным очком, как всю прошлую жизнь...

Впрочем, Витя ошибался. За ним действительно наблюдали. Очень скоро Андрей Петрович понял, что сумасшедшим Витя являлся только для медиков, делу же его сумасшествие никакого вреда не приносило, а наоборот — помогало. В каждом клиенте Витя видел личного врага, того самого, который хватал его в школе за нос и кричал: «Мак Дак — му...к!» — того самого, который выпроваживал его из отдела кадров со словами: «Дураков не берем!» — того самого, который проносился мимо него в иномарке и выплевывал в окно жвачку, совершенно не задумываясь, куда она попадет. А попадала она всегда в стоявшего на обочине Витю. В стоявшего на обочине жизни Витю.

Но скоро все изменилось.

Из гадкого утенка Мак Дака Витя превратился в прекрасного лебедя. (По крайней мере, он сам считал именно так.) У него появились деньги, причем большие, очень большие, — Андрей Петрович, как и обещал, платил ему тысячу долларов за клиента, а так как за два года они завладели более чем тридцатью автомобилями, то более тридцати штук баксов и перекочевало в Витины карманы.

Он приоделся, купил мобильный телефон и жевал теперь исключительно мальборовские фильтры.

А что? Имел право! Работу свою Витя знал. Вылавливал московского лоха по объявлению, договаривался о встрече где-нибудь в районе кольцевой, потом вез в Тулу (не все, правда, соглашались ехать так далеко, но Витя показывал несговорчивым переданное ему Андреем Петровичем удостоверение сотрудника ГИБДД. Удостоверение было, конечно, липовым, но очень хорошо сделанным — натуральные гибэдэдэшники ни разу не распознали подделку. Не говоря уже о лохах, которые доверчиво хлопали ушами и говорили: «Ну что ж... Поехали!»).

За все время у него было лишь две осечки. И обе недавно. Первая — когда один мужик звякнул домой по мобильному (они уже ехали на его машине в Тулу, и в ходе разговора Витя отвлекся на крупную блондинку, мелькнувшую в окне одного из обгоняющих их автомобилей). Витя выхватил у него телефон и врезал этим телефоном мужику по зубам. Тот дернул руль вправо, они чуть не слетели с дороги в кювет, но Витя вовремя достал ногой до педали тормоза. Мужик, на его счастье, был хлипкий, и Витя слегка придушил его до потери сознания. Как бы спать уложил. Перетащил его на заднее сиденье. «Приятных сновидений!» — сказал. А сам

за руль сел. Неизвестно, какие уж там сновидения являлись мужику, приятные или не очень, а только долгими они не были, потому что часа через полтора растолкал его Витя в ангаре несколькими тяжелыми пинками. Мужик открыл глаза и очень удивился, отчего это лежит он на холодном полу в каком-то непонятном помещении. Хотел спросить об этом склонившегося над ним Витю, но не смог — очень уж болело сдавленное недавно горло. «Я дурак?» — спросил его Витя. «Хшхшхш...» — прошипел мужик, приподнимаясь, но тут раздался легкий хлопок, и он лег обратно, как будто откинутый отдачей от мощной струи крови, бывшей из дырки, внезапно образовавшейся в его лбу. (Иногда Витя изменял правилу — только в затылок, — не мог отказать себе в удовольствии посмотреть жертве в глаза.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.